

А. Я. СЫРКИН

**ОБ ИСТОРИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖЕЙ
„ДИГЕНИСА АКРИТА“***

Вопрос о том, насколько историчны действующие лица поэмы о Дигенисе Акрите, имеет первостепенное значение для оценки византийского эпоса, как исторического источника, а также для датировки первоначальной редакции поэмы. Вопрос этот встал уже перед первыми исследователями памятника. У греческого автора XVIII в. К. Дапонтиса реальность героев поэмы вообще не вызывает сомнений: «В его (Романа I Лакапина. — А. С.) царствование жил доблестный славный Василий Дигенис Акрит. . .»¹ — так начинает он свое свидетельство и, лишь рассказав о герое, переходит к описанию самого произведения. «Истинной историей»² считал поэму и издатель Трапезунтской версии С. Иоаннидис. Несмотря на серьезные успехи в изучении византийского эпоса на значительное совершенствование метода исследования, проблема эта до сих пор вызывает споры среди исследователей. Уже среди первых работ о «Дигенисе Акрите» мы встречаем и лишнее всякой осторожности стремление К. Сафы и Э. Леграна доказать реальное существование всех до единого персонажей «Дигениса Акрита»³ и критическую точку зрения Г. Дестуниса, отказывающегося «смешивать факты исторические с розказами эпопей»⁴. Во многом сходную картину можно наблюдать и теперь — 70—80 лет спустя. С одной стороны — «Identifizierungs-gausch» А. Грегуара, с другой — скептицизм Дж. Маврогордато. Разумеется, в настоящее время никто уже не говорит о точном воспроизведении в поэме событий и лиц. Идентификации того же Грегуара предполагают лишь установление определенного прототипа того или иного героя, прототипа, подчас отдаленного веками от типа событий, отразившихся в эпосе. Здесь перед исследователем встает вопрос о правомерности по-

* В статье рассмотрены не все исторические реминисценции поэмы о Дигенисе Акрите. Некоторые из них (в частности, вопрос об императоре) будут освещены в статье «Некоторые проблемы византийского эпоса» в XIX т. ВВ. В ходе работы над «Дигенисом Акритом» большую поддержку оказала мне доктор филологических наук В. Д. Кузьмина, любезно предоставившая в мое распоряжение ряд редких изданий. Приношу ей глубокую благодарность.

¹ Collection de romans grecs en langue vulgaire et en vers, publ. par S. Lampros. Paris, 1880, p. XCIX.

² Ἔπος μεσαιωνικὸν ἐκ τοῦ χειρογράφου Τραπεζούντος, ὁ Βασίλειος, Διγενῆς Ἀκριτῆς ὁ Καππαδόχης. . . ἐκδ. ὑπὸ Σ. Ἰωαννίδου. Κωνσταντινούπολις. 1887. σελ. 18 ἐξ., 37.

³ Les exploits de Digénis Akritas, épopée byzantine du dixième siècle, publ. par C. Sathas et E. Legrand. Paris, 1875, p. LXIV sq.

⁴ Г. Д е с т у н и с. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. СПб., 1883, стр. 60.

добных поисков при изучении памятников эпического творчества. Ответ на него дают примеры других произведений того же жанра. Так, раскопки и исследования XIX—XX вв. показали нам историческую основу гомеровского эпоса. Совершенно ясна историчность эпосов о Роланде, о Сиде, о Нибелунгах и ряда других⁵. Из такой общей, по-видимому, для героического эпоса закономерности можно заключить и о реальном существовании героев, образы которых вдохновляли создателя акритского эпоса. Насколько справедливо это, должен показать конкретный анализ текста поэмы.

Герой поэмы — Василий Дигенис Акрит (*Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας*) — сын крещеного араба, эмира (*ἀμῆρας*) Мусура (*Μουσοῦρ*⁶ — ср. А 302 *, Э 723) и гречанки Ирины (А 68)⁷, дочери византийского стратега. Он родился в доме своего деда (отца матери), в Каппадокии; поэма так и называет героя: «каппадокиец» (ГФ III, 106); «сладостный и цветущий отпрыск каппадокийцев» (ГФ VII, 2). Территория эта была к середине IX в. пограничной фемой, служа ареной ожесточенной борьбы между греками и арабами и нередко подвергаясь опустошительным набегам. Однако в результате успешных для Византии военных действий конца IX—X вв. земли Каппадокии стали тылом. Дигенис, как многие другие эпические герои, растет с чудесной быстротой. Овладев в детстве множеством знаний (ГФ IV, 69) и искусством верховой езды (ГФ IV, 70), он в 12 лет выезжает на свою первую охоту и обнаруживает небывалую силу. Затем герой впервые встречается с апелатами — эпизод, восстанавливаемый по Т 1037—1092 и А 1617—1643, — и побеждает всех их, состязаясь в искусстве сражаться дубинками. Похитив дочь стратега Дуки и женившись на ней, Дигенис начинает вести уединенную жизнь с женой и немногими слугами на границах. Его посещает и осypает милостями император Василий (в Т и А — Роман), что во всяком случае указывает на IX—XI вв. Путешествуя по Сирии, герой убивает разбойника Мусура, наводившего страх на путников; затем во время встречи с дочерью Аплорравда уничтожает отряд арабов. Герою в это время идет всего пятнадцатый год (ГФ V, 24; в Т 1610 и А 2497 — 18 лет). Защищая жену, он убивает чудовищного змея (*δράκων*), льва, многочисленных апелатов; побеждает в сражении главарей апелатов — Филопаппа, Киннама, Иоаннакиса, деву-воительницу Максимо. Затем он счастливо живет со своей женой и матерью в прекрасном дворце на берегу Евфрата. По словам поэта, он освободил всех захваченных в плен византийцев и установил мир на границах (ГФ VII, 217 сл.). После внезапной болезни Дигенис умирает на 33-м году жизни — деталь, известная из Т 767 и А 1299 — и его хоронят у Тросиса, неподалеку от Евфрата.

При рассмотрении образа Дигениса Акрита сразу обращает на себя внимание совершенно реальный исторический фон, на котором протекают

⁵ См., напр.: S. Impellizzeri. Il Digenis Akritas. L'epopea di Bisanzio. Firenze, 1940, p. 109 sq.; А. Хойслер. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960, стр. 345 сл., 370 сл.; В. С. Гербузова. Сказание о Мелике Данышменде. М., 1959, стр. 91 и др.

⁶ В ГФ эмир, отец Дигениса, не назван по имени.

⁷ ГФ также не дает этого имени.

* В статье приняты следующие сокращения: ГФ — Гротта-Ферратская версия «Дигениса Акрита», Т — Трапезунгская, А — Андросская стихотворная, А₁ — Андросская прозаическая (страницы указаны по изданию Д. Пасхалиса — Л, IX, 1926, с.л. 305—440), Э — Эскурьяльская, О — Оксфордская; М-И, II и Тит. — Мусин-Пушкинская, Погодинская и Титовская редакции «Девгениева деяния» (страницы по изданию М. Сперанского: Девгениево деяние. Исследования и тексты. Сборник отд. рус. яз. и словесности Росс. Академии наук, т. ХСIX, № 7, 1922, стр. 132—165).

его жизнь и подвиги: рождение в семье знатных византийцев; охота, музыка, танцы как излюбленное времяпрепровождение; пышная свадьба с богатым приданым, стычки с разбойниками, встреча с императором — все это было вполне обычным в жизни византийского вельможи. Такая особенность поэмы, естественно, побуждает исследователей искать прототип Дигениса. Однако, наряду с этим, важно отметить и другое. Если, повествуя о некоторых действующих лицах, поэма, как мы увидим, дает известные основания вспомнить об отдельных событиях или лицах византийской истории, то нельзя сказать этого о главном ее герое. Единственное, что могло бы способствовать идентификации героя — это перечни его завоеваний, но и они дают нам очень мало.

Первый такой перечень — это введение к *ГФ* — 29 строк, написанные ямбическим триметром. Согласно стихам 5—12, Дигенис завоевал «всю Сирию, Вавилон, целую Харсиану, Армению и Каппадокию, Аморий и Иконий, . . . Анкиру, всю Смирну и подчинил приморские земли». Вавилоном в византийской литературе обозначались иногда Рим, Каир, Багдад⁸ и здесь скорее всего можно предположить последнее значение. Под «приморскими землями» (*τὰ παρὰ θάλασσαν*) подразумеваются, должно быть, южные берега Малой Азии. Перечень этот охватывает почти весь восточный театр военных действий между греками и арабами. Упомянутые здесь завоевания — от Амория и Анкиры (сер. IX в.) до «всей Сирии» (вторая половина X в.) — никак не могло совершить одно лицо, и вряд ли следует искать какого-то определенного полководца, образ которого вдохновлял поэта; на такую роль может претендовать целый ряд лиц — от Петроны до Василия II. Но даже и в столь широких хронологических рамках перечень этот не соответствует исторической действительности, так Багдад — наиболее вероятное значение «Вавилона» — никогда не находился в руках византийцев. Сопоставление этого введения с самим текстом *ГФ*, *А*, *Т* и *Э* показывает, что совершенно схожие завоевания поэма приписывает не Дигенису, а эмиру и дяде эмира, т. е. мусульманам, сражавшимся против греков. Так, эмир, а не Дигенис, завоевывает Сирию (*ГФ* I, 292; IV, 39), Харсиану и Каппадокию (*ГФ* I, 156; IV, 42), Аморий и Иконий (*ГФ* I, 295). Дядя эмира Μουρσῆς Καρόης идет походом на Смирну через приморские области (*εἰς τὸ παραθαλάσσιον* — *ГФ*. II, 76) и опустошает Анкиру (II, 77). Дяде эмира, названному в *Э* Μουρατασίτης (= Μουσοῦρ Τασιίτης) приписывается поход в Армению (*Э* 263). Итак, на долю Дигениса остается один лишь сомнительный «Вавилон». Следует предположить, что автор введения имел весьма слабое представление о поэме или же писал его, располагая какой-то другой, неизвестной нам версией⁹.

Из другого аналогичного места — стихов *ГФ* IV, 968—970, мы узнаем, что герой покорил «весь Вавилон, Тарс. . . Багдад, маврохионитов и много других земель ужасных эфиопов»¹⁰. Как видно, и этот отрывок, не говоря уже о прямом на этот раз упоминании Багдада, носит самый неопределенный характер. Более ценно здесь упоминание о Тарсе — во всей видимости, результат завоевания этого города Никифором Фокой летом 965 г., когда Тарс прочно перешел в руки греков¹¹. Походами Ни-

⁸ P. Kalonagos. 'Ο Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας. t. I, Ἀθήναι, 1941, p. 66.

⁹ Cp. S. ImPELLIZERI. II Digenes Akritas, p. 123; J. Mavrogordato. Digenes Akrites. Oxford, 1956, p. 3.

¹⁰ Эфиопами византийцы называли мусульман Египта и Северной Африки. Это — характерный прием обозначения современников каким-либо старым этническим наименованием.

¹¹ E. Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1935, S. 93.

кифора Фоки, возможно, вызвано и упоминание о маврохионитах (Μαυροχιωνίται; ср. *ГФ VIII*, 205 — Μαυρονίται; *A 4636* — Μαυριόροι). Не исключено, что речь идет здесь о населении окрестностей отрога Тавра — Μαύρον ὄρος, лежавших на пути почти ежегодных набегов мусульман и завоеванных Никифором в 968 г.¹²

Мало что говорит рассказ об освобождении Дигенисом греческих пленников (*ГФ VII*, 217) — на протяжении IX—X вв. соглашения о возвращении пленных заключались между византийцами и арабами неоднократно¹³. Столь же неопределенны строки *ГФ VII*, 5—6, восхваляющие Дигениса, который покорил все границы и завоевал πλείστας τε πόλεις... καὶ χύφας ἀπειθοῦντων. Итак, можно говорить скорее об исторической характерности образа Дигениса для IX—X вв., чем о его реальном прототипе.

Другой характерный признак поэмы — обилие в ней черт эпического творчества. В первую очередь это сказывается в образе главного героя. Вспомним хотя бы такие традиционно-эпические моменты в биографии Дигениса, как смешанное происхождение (речь об этом пойдет ниже), небывало раннее развитие, сказочная сила, битва с драконом, смерть на 33-м году жизни — все это нуждается в фольклорных, а не исторических параллелях.

Итак, текст «Дигениса Акрита» не дает указаний на какой-либо определенный прототип героя. Остается рассмотреть, содержится ли подобное свидетельство в византийской литературе. Имя «Дигенис» ни в одном источнике не упоминается. Что касается имени «Акрит», то мы встречаем это имя лишь у поэта XII в. Феодора Продрома. Восхваляя императора Мануила I Комнина (1143—1180), он называет его «подражателем Христа, истинным светочем, крепким военачальником, новым Акритом»¹⁴. Другое упоминание — в стихотворении против игуменов монастыря, в котором жил поэт. Продром желает, чтобы нашелся какой-нибудь новый Акрит, подобрал свои полы, взял дубинку и сокрушил этих монахов¹⁵. Здесь характерна вторая строка отрывка, несомненно, вызванная следующим дважды повторяющимся стихом поэмы: καὶ τὰς ποδέας ὀχυρῶς πῆξας εἰς τὸ ζωνάριον (*ГФ IV*, 116, 1058; в других версиях этот стих отсутствует). Этими двумя местами, насколько нам известно, исчерпываются свидетельства об Акрите в византийской литературе¹⁶. Наиболее не критичные из первых исследователей увидели здесь прямое доказательство историчности Дигениса¹⁷. Между тем, «Акрит» очевидно употребляется Продромом как имя нарицательное, символизирующее мужество и силу. Ценность стихов Продрома в том, что они свидетельствуют

¹² Ibid., S. 39, 94; Ср. P. Kalonaros. Op. cit., t. II, p. 67; П. Каролиδης. Στρεψώσεις κριτικά ἱστορικά καὶ τοπογραφικά εἰς τὸ μεσαιωνικὸν ἔπος. Ἐπετηρὶς τοῦ ἔθν. πανεπιστημίου. Ἐν Ἀθήναις, 1906, σελ. 241.

¹³ G. Vismara. Bizanzio e l'Islam. Milano, 1950, p. 29 sq., n. 83—84.

¹⁴ πρὸς αὐτὸν χριστομίμητον, τὸν ἀληθῶς φωστῆρα, τὸν πολεμάρχον τὸν στερρόν, τὸν νέον τὸν Ἀκρίτη... цит. по книге: Г. Дестунис. Разыскания... стр. 62. Издано в кн. D. Hesselung, H. Pernot. Poèmes prodromiques en grec vulgaire. — VAWL, D. XI, № 1, 1910, p. 61.

¹⁵ καὶ τίς Ἀκρίτης ἕτερος ἐκεῖ νὰ βρέθε τότε, καὶ τὰς ποδέας τοῦ ν' ἀμπήξεν, νὰ πῆρεν τὸ ραβδί του... Г. Дестунис, там же; Poèmes Prodromiques... p. 55.

¹⁶ A. Грегуар (Nouvelles notes épiques. I. Acrites cité par Théodore Prodrome. — Byz., vol. XXV—XXVII, 1955—1957, t. 2., p. 779—781), попытался недавно найти у Продрома еще одно такое место. Он предлагает читать в его стихотворении, посвященном итальянскому походу Мануила 1155—1156 гг.: ἀκρίτα μου κατάσκοπε вместо ἀτρίτα μου κατάσκοπε (Codex Marcianus XI. 22, № XIV, v. 87; см. С. Панадимитриу. О Продроме. — ВВ, т. X, 1903, стр. 142). Однако и старое чтение удовлетворительно по смыслу, а каких-либо аргументов в защиту своего толкования А. Грегуар не приводит.

¹⁷ Les exploits... p. XCIX sq.

о популярности в Византии XII в. образа героя Акрита¹⁸, а отдельные выражения поэта опираются, по-видимому, на какую-то известную ему версию поэмы, возможно, близкую (судя по приведенному выше сопоставлению) к ГФ. Более того, сравнение Продромом императора Мануила с Акритом, по справедливому соображению Г. Дестуниса, как раз доказывает скорее всего легендарный характер этого образа¹⁹.

Такое состояние источников объясняет недостаточную успешность предпринимавшихся до сих пор попыток найти в византийской истории какой-либо прототип Дигениса. Одной из первых таких попыток явилось отождествление К. Сафой и Э. Леграном Дигениса с Панфирием (Πανφύριος), родственником императора Романа Лакапина, назначившего его домашним схол вместо отставленного от должности Иоанна Куркуаса²⁰. Этого Панфирия упомянул среди знаменитых представителей рода Дук Михаил Пселл, поместивший его вслед за Андроником и Константином Дуками²¹. Сафа и Легран полагают, что Пселл имеет здесь в виду нашего героя, и подкрепляют это ссылкой на песнь о Порфирии²². Герой этой песни, известной лишь в записях нового времени, — сын монахини; он растет с чудесной быстротой. Порфирий похваляется, что любит царскую дочь, разбивает посланное на него войско царя и берет себе девушку²³. Отдельные общие фольклорные мотивы, сближающие эту песню с песнями о Дуках и Дигенисе, не дают еще основания отождествлять их героев — тем не менее издатели *T* ставят знак равенства между всеми тремя: Порфирием, сыном Андроника и Дигенисом. Более того, имя героя, совершенно ясное по значению²⁴, они объявляют «очевидным искажением „Панфирия“»²⁵. Лишь немногие поддержали в 70—80 гг. эту теорию²⁶. Уже А. Эберхард назвал ее «абсолютно произвольной»²⁷.

¹⁸ Ср. S. ImPELLIZZERI. Op. cit., p. 53.

¹⁹ «В самом деле, — замечает Г. Дестунис, — как бы осмелился стихотворец, подносящий свои стихи царю, сравнить своего царя с одним из генералов прежнего времени, хотя бы этот последний и отличался необычным мужеством? Какой современник Юстиниана, например, дерзнул бы уподобить его Стилихону, или современник Ираклия решился бы назвать его вторым Велисарием? Сравнение царей с подданными не могло быть допущено ни чиновниками, ни благоприличием; напротив того, таким нарушением не могло бы считаться сравнение царей с героями. Упомянутого им Акрита Прохопродром, вероятно, понимал как народный тип героя, известного и читающей публике и самому царю». Разыскания. . . , стр. 62—63.

²⁰ Ср. Theophanes Continuatus. Bonnae. 1838. p. 429. 15—16; Georgius Monachus Ibid., p. 917. 4—5; Georgius Cedrenus vol. II, Bonnae, 1839 p. 318. 16—17. Ср. R. Guiland. Le Domestique des scholes (1). REV. VIII. 1951. p. 31.

²¹ Psellos. Chronographie, ed. E. Renaud, vol. II. Paris, 1928, p. 146.

²² Les exploits. . . , p. CI sq.

²³ Одну из первых публикаций этой песни дал С. Иоаннидис (Σ. Γωαννίδης. Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1870, σελ. 288—290). Отдельные ее записи неоднократно издавались впоследствии. П. Калонарос (P. Kalonaros, op. cit. t. II. p. 217—219) публикует интересный вариант ее: Τοῦ Προσφόρη, где герой, так же как и Дигенис в некоторых песнях (напр., Ἡ κόρη τοῦ Λεβάντη τοῦ βασιλέα — ibid., p. 231—235), называется сыном еврейки. Г. Дестунис дал перевод четырех вариантов этой песни (Разыскания. . . , стр. 79—84) и в «объяснениях» (стр. 89—90) высказался против теории К. Сафы и Э. Леграна.

²⁴ Г. Дестунис. Ук. соч., стр. 89; ср. там же, на стр. 91—92, объяснение варианта этого имени: Προσφόρης.

²⁵ Les exploits. . . p. CI.

²⁶ См. например. S. Lampros. Collection. . . , p. XIX; A. Rambaud. Une épopée byzantine au Xe siècle. Les exploits de Digénis Acritas. — «Revue des deux mondes», XLV an., t. X, 1875, p. 940; idem. La Russie épique. Paris, 1876, p. 421 — 422; Ch. G i d e l. Nouvelles études sur la littérature grecque moderne. Paris, 1878, p. 301.

²⁷ A. Eberhard. Über ein mittelgriechische Epos vom Digenis. — «Verhandlungen der 34 Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Trier. Vom 24 bis 27 Sept. 1879». Leipzig, 1880, S. 52.

Вряд ли более убедительно выглядит сопоставление Дигениса с «достойным турмархом войск Анатолика» (ὁ τῶν Ἀνατολικῶν τουρμάρχης ἰκάνος) Диогеном²⁸, павшим в битве с арабами у Копиднада в 788 г. Грегуар исправляет Копиднад на Поданд (недалеко от Тианы в одном из горных проходов Тавра), жителями которого являются, по его мнению, упоминаемые в *ГФ VIII*, 205 *Κουδανδίται*, собравшиеся среди многих других на похороны Дигениса и его жены²⁹. Если даже предположить правильность последнего отождествления, то все же нет никаких оснований видеть в безвестном турмархе VIII в. Диогена, о котором мы, кроме краткого свидетельства Феофана, абсолютно ничего не знаем, прототип Дигениса. Следует отметить, что отрывок этот ничем не напоминает какого-либо эпизода поэмы. Напротив, судьбы двух героев совершенно различны. В подкрепление своей гипотезы Грегуар истолковывает *Διγενής* как искаженное *Διογένης*³⁰, но за отсутствием примеров сходных фонетических переходов, это мало убедительно³¹. Большинство исследователей критически отнеслось к этой гипотезе. Даже С. Импеллицери, разделяющий многие построения Грегуара, считает ее необоснованной³².

Ученые, пытавшиеся искать среди прототипов Дигениса того или иного византийского полководца, сражавшегося с арабами, не учитывают некоторых существенных черт этого образа. Победы Дигениса над арабами, за единственным исключением (*ГФ V*, 178—190), не являются предметом специального описания, а упоминаются лишь в перечнях его подвигов. Описания же в самых общих словах какой-либо из этих побед мы ни в какой версии поэмы не найдем. Между тем, именно на такие сцены мог бы скорее всего вдохновить автора поэмы образ какого-либо конкретного военачальника, прославленного победами над арабами. Единственный эпизод, где герой сражается с отрядом арабов — это *ГФ V*, 178—190: на Дигениса нападает свыше ста арабов. Одних он убивает, а других обращает в бегство. Помимо этого эпизода, противниками Дигениса сплошь и рядом оказываются христиане — главари апелатов со своими войнами, войска стратига Дуки и т. д. Важно отметить также, что герой ни разу не выступает в поэме во главе войска³³ — деталь, которая сама собой подразумевалась бы в биографии любого полководца. Лишь во время первой встречи юноши с апелатами (*T 1028—1089*) сопровождает его отряд спутников, не играющий в повествовании абсолютно никакой роли. Поэма настойчиво подчеркивает стремление Дигениса к одиночеству. Сразу же после свадьбы он селится вместе с женой на границах, вдали от всех, ибо желает жить один (πόθος γάρ εἶχεν ἄπειρον τοῦ μόνου. συνδιὰγειν καὶ τοῦ μόνου περιπατεῖν δίχα τινός ἑτέρου — *ГФ IV*, 958—959). Как бы ни толковать отношение Дигениса к императору, он явно стремится держаться подальше и от него и от его войск (*IV*, 997—1000). Когда победенный Филопапп изъявляет желание служить вместе с товарищами

²⁸ Theophanes, ed. C. de Boor., vol. I. Lipsiae, 1883, p. 463. 20—21.

²⁹ H. Gregoire. Le tombeau et la date de Digénis Acritas (Samosate, vers 940 après J. C.). — Byz., vol. VI, 1931, p. 488 sq.; idem. Autour de Digénis Acritas. Les cantilènes et la date de la récénsion d'Andros—Trebizonde. — Byz., vol. VII, 1932, p. 287; idem. Ὁ Διγενής Ἀκρίτας. New York, 1942, σελ. 36 ἐξ.; idem. Devgenij ou Digenij. — Byz., XXII, 1952, p. 150. Ср. толкование *Κουδανδίται* П. Каролидисом σελ. 243).

³⁰ H. Gregoire. Devgenij..., p. 150.

³¹ На это указывает, в частности, С. Кириакидис (Forschungsbericht zum Akritas Epos. München, 1958, S. 19), приводящий в пример переход *Διονύσιος* в *Διονύσης* или *Διούνης*, но отнюдь не в *Διούνης* или *Διγής*.

³² Недостаточно обоснованные предположения А. Грегуара вызвали серьезную критику в нашей научной литературе (А. П. Каждан, В. Д. Кузьмина, М. В. Левченко). Ср. также S. Impellizzeri. Op. cit., p. 54.

³³ J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXVII.

Дигенису (VI, 278—279), тот отвечает, что стремится не властвовать, а жить в одиночестве (288 сл.). Властвовать и набирать себе воинов — дело апелатов, а он, Дигенис, обойдется без их помощи. И тот же совет дает герой побежденной Максимо (VI, 646—647, 680—681)³⁴.

Приведенные соображения, разумеется, не исключают влияния на образ Дигениса отдельных свидетельств или легенд о том или ином историческом деятеле. Так, весьма вероятно, что подобное влияние мог оказать образ основателя Македонской династии. Уже самое имя — Василий, данное Дигенису при крещении, — возможно, дань тому ореолу, которым оно было окружено в IX—XI вв.³⁵ Некоторые такие свидетельства, восходящие к середине X в., обнаруживают сходство с отдельными эпизодами поэмы, хотя трудно решить, влияла ли в данном случае историография на эпическое творчество или наоборот³⁶. Так, Генесий повествует об охоте Василия I, убившего оленя — эпизод, напоминающий первую охоту Дигениса (ГФ IV, 139—145)³⁷. Дигенис укрощает перед императором Василием дикого коня (IV, 1054—1064) и точно таким же образом отличается в юности Василий I перед императором Михаилом III³⁸.

Вполне возможно, что влияние могла оказать и деятельность в 910—920-х годах стратига фемы Ликанд Мелиаса³⁹, укрепившего границы империи и награжденного императором Романом I званием магистра за многочисленные подвиги в боях с арабами⁴⁰, но никаких доказательств этого мы не имеем. Тот факт, что некоторые эпизоды поэмы происходят на территории Ликанда (например, похищение Дигенисом невесты — Э 921), еще не может, разумеется, служить доказательством. Мы не будем останавливаться здесь на сопоставлениях Дигениса с героями турецкого эпоса Сайид-Баттал и арабских сказок «1001 ночи» — параллели эти носят скорее фольклорный характер.

Также не связано, по-видимому, с каким-либо определенным лицом и отражает скорее всего традицию смешанного происхождения литературного героя самое имя Διγενής — «двоежденный». Вряд ли справедливо видеть здесь результат связанного с народной этимологией перехода: Διογένης → Διγένης → Διγενής, как предполагали, например, П. Каролидис и А. Грегуар⁴¹. Можно говорить скорее о стирании этого значения

³⁴ Ниже (стк. 766—770) вторично побежденная Максимо предлагает Дигенису стать его возлюбленной и помогать против врагов. В нашей поэме герой отвергает лишь первое предложение (стк. 772 сл.), в соответствующем же месте «Девгениева Деяния» (II, 163) отвечает: «не имѣю ни от кавова чловѣка помощи, кромѣ милости Божїи и материя молитвы...»

³⁵ Ср. N. Adontz. Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digénis Akritas. — BZ, vol. XXIX—XXX, 1929—30, p. 214; ср. П. Καρολίδης. Op. cit., σελ. 245.

³⁶ Ср. F. Dölger in: BZ, Bd. XXXI, 1931, S. 127.

³⁷ Genesius, ed. Bonnae, 1834, p. 127. 5—8. Тот же историк, характеризуя Василия I, сравнивает его с древними героями, будто бы уступавшими ему: Алкиноем, Гераклом и т. д. (p. 126. 10—127. 4). Это напоминает строки, посвященные эмиру, отцу Дигениса (ГФ IV, 27 сл.).

³⁸ Theoph. Cont., p. 230.16—231.21. Эпизод встречи Дигениса с императором и проблема идентификации последнего будут затронуты нами в следующем томе «Византийского временника».

³⁹ H. Grégoire. Etudes sur l'épopée byzantine. — REG, 46, 1933, p. 64 sq; idem. Notes épigraphiques. VII. Mélias le Magistre. — Byz., vol. VIII. 1933, p. 79—88; N. Adontz. Op. cit., S. 216.

⁴⁰ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, cap. 50. 165.

⁴¹ П. Καρολίδης. Op. cit., σελ. 246; H. Grégoire. Devgenij..., p. 149—150. Толкование имени «Дигенис» как διογένης мы встречаем уже у Г. Эвлампиоса (Амарантос или розы возрожденной Эллады. СПб., 1843, стр. 28, примечание). Ср. также J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXI; A. Vaillant. Le Digénis Slave. «Прилози за книжевност језик историју и фолклор», књ. 21, 1955, p. 225.

и об искажении Διγενής в народных песнях, где оно перешло в Διενή, а затем, возможно, вследствие переноса ударения — в Γιάννης⁴². Интересно и переосмысление этого имени на Крите: ὅτι ἔζησε βίον δύο γενεῶν⁴³. Древнерусское «Девгений» вряд ли может помочь решению этого вопроса, так как написание этого имени расходится с засвидетельствованными примерами транскрипции греческих имен в древнерусской литературе⁴⁴.

За оригинальность имени Διγενής говорит старая традиция, перешедшая в византийскую литературу из античной и имеющая параллели в литературе других народов⁴⁵. Симеон Магистр в 970-х годах прямо употребляет этот эпитет, говоря о Льве V Армянине (813—820): διγενής δὲ τῆν ἐξ Ἀσσυρίων καὶ Ἀρμενίων⁴⁶. Эта историографическая традиция перекликается и с фольклорной. Один из популярнейших в агиографии святых — Георгий, вокруг которого сложилась обширная житийная и фольклорная литература, — «двоерожденный», сын перса Геронтия и гречанки Полихронии⁴⁷. Георгий, кстати, выступает в поэме покровителем и защитником Дигениса (ΓΦ I, 23; VII, 701). Мы не будем останавливаться здесь на соответствующих примерах из эпического творчества других народов. Исследователями неоднократно отмечалось уже в этой связи смешанное происхождение героев «Шах-намэ» Фирдоуси, арабского романа об Антаре и т. д.

Вряд ли восходят к какой-либо исторической личности и засвидетельствованные С. Иоаннидисом и другими учеными следы имени Акрит в современных географических названиях (например, Ἀκριτάντε) и фамилиях (Ἀκριτίδαι, Ἀκριτόπουλοι) Каппадокии⁴⁸. Нет оснований приписывать

⁴² J. Mavrogordato. Some notes on the Escorial and Russian versions of Digenis Akritas. Προσφορά εἰς Στ. Κυριακίδην. Θεσσαλονίκη. 1953, σελ. 467.

⁴³ А. Н. Веселовский. Рец. на книгу Г. Дестуниса «Разыскания...» — ЖМНП, ч. 234, июль, 1884, стр. 143.

⁴⁴ Единственное свидетельство перехода «Диоген» в «Девгений» содержит «Повесть временных лет» под 1095 г. в сообщении о сыне Романа IV Диогена — «Девгениче» (ч. I, М., 1950, стр. 148). В переводе хроники Амартола киник «Диоген» назван «Диэгень»; с другой стороны в сказании о Трое «Диомед» назван «Деомедеж». Не исключено, что «Девгений» представляет образование по аналогии с «Евгений». Ср. A. Vailant. Op. cit., p. 224 sq.; H. Grégoire. Devgenij, ... p. 149.

⁴⁵ H. Grégoire, R. Goosens. Byzantinisches Epos und arabischer Rittroman. — ZDMG NF, Bd. 13, 1934, S. 230.

⁴⁶ Symeon Magister (in: Theoph. Cont.), p. 603. 6—7. Мы не останавливаемся здесь на более позднем свидетельстве Пахимера (Georgius Pachymeres, vol. I. Bonnae, 1835, p. 309. 14—15) о «двоерожденных» детях латинян и гречанок: οἱ ἀνὰ τὴν πόλιν Γασμουλοῖ (οὗς ἀνὸς ὁ Ρωμαῖος διγενεῖς εἶποι) ἐκ Ρωμαίων γυναικῶν γεννηθέντες τοῖς Ἰταλοῖς.

⁴⁷ Ср. K. Krummacker. Der Heilige Georg in der griechischen Überlieferung. München, 1911, S. 246.

⁴⁸ Σ. Γωαννίδης. Ἱστορία... σελ. 39; idem. Ἔπος... σελ. 29. Ср. Σ. Σιδηρίδης. Ἀκριτάς. — ΚΕΦΣ, τ. ΔΑ'. 1907—1908. σελ. 96; Π. Μηλιόπουλος. Ἐξακριβῶσας βυζαντινῶν τοποθεσιῶν. ibid., σελ. 112 ἐξ. (топонимика Греции и Малой Азии). Ср. Π. Καρολίδης. Op. cit. σελ. 246. Эпитет этот был известен и в Древней Греции — так Аполлон почитался в Спарте под именем Ἀκριτάς (Pausanias, III, 12. 18; Павсаний). Описание Эллады, пер. С. П. Кондратьева, т. I, М., 1938, стр. 245). Здесь имя это связано, по-видимому, непосредственно со значением ἀκρα: «мыс» — Аполлон был известен под этим именем в посвященных ему прибрежных святилищах не только на Пелопоннесе. Так эпиграмма Квинта Меция (ок. I в. н. э.: Anthologia Palatina. VI. 230. — The greek Anthology, ed. W. R. Paton. Cambridge (Mass.) — London, 1929, vol. I, p. 420) обращена к покровителю вифинского побережья Ἀκρείτω Φοῖβω. См. также: Σ. Σιδηρίδης. Op. cit., σελ. 96; R. Janin. Autour du Cap Akritas. Etude historique et topographique. — EO, 30 an., № 147 1927, t. XXVI, p. 288, 292. Конечно, перед нами здесь просто интересное совпадение, хотя и не исключено, что столь популярный в Византии образ Акрита вызывал у современников ассоциации, связанные с древним культом богастреловержца.

какому-то реальному Дигенису и гробницу в окрестностях Трапезунта, куда еще в прошлом веке матери носили новорожденных, чтобы уберечь их от дурного глаза⁴⁹. Все это свидетельствует лишь о популярности в народе легендарного героя, слава о котором давно вышла за пределы не только Каппадокии, но и Малой Азии. Интересно отметить в этой связи и засвидетельствованное критским документом 1182 г. название местности на Крите: «τοῦ Διγενῆ τοῦ λιβάδι». Имя Дигениса и поныне сохранилось в топонимике этого острова, где герой продолжает жить в народных преданиях, утратив уже почти все человеческие черты и напоминая скорее титана из античной мифологии⁵⁰.

Итак, с одной стороны мы видим отсутствие в поэме каких-либо данных об историческом прототипе Акрита, которые могли бы найти себе подтверждение в других, независимых от этого памятника византийских источниках. С другой стороны, образ этот в нашей поэме носит явные следы эпической традиции, а в многочисленных песнях акритского цикла, так же как и в «Девгениевом деянии», от историчности героя вообще ничего не остается. Здесь он чисто фольклорный персонаж. Все это крайне затрудняет и неизбежно делает гадательной любую попытку идентификации Дигениса с историческим лицом. Более того, нам трудно даже с полной уверенностью судить об отдельных фактах византийской истории и литературы, повлиявших на этот образ. Поиски реально существовавшего прототипа Дигениса на сегодняшний день следует признать малоудачными⁵¹. Герой этот предстает в поэме как олицетворение отваги, силы, благородства византийских акритов⁵². Для нас, однако, важно подчеркнуть здесь, что материал для этого символического образа давала история.

«Двоерожденный» герой происходит от гречанки и араба. О предках Дигениса с материнской стороны данные различных версий поэмы расходятся. Мать его, названная в А 68 и О 67 Ириной — дочь каппадокийского стратига и его жены Анны (последнее имя известно только из А (30) и О (19) 1. Стратиг, дед Дигениса, называется в версиях по-разному. ГФ IV, 54 называет его: Ἀντάκιος ἀπὸ τῶν Κινναμάδων. Антакином он назван лишь в этом месте. В то же время Т и А дают два других имени: Т 54 и А 22, 489 называют стратига Ἀαρών, а Т 834; А 23, 1367; О 7 — Ἀνδρόνικος. А 22—23 согласовывает это расхождение, говоря, что Аароном он звался на сирийском языке (τῆ σιριστίδι γλώττῃ), а Андроником — на греческом (ἐλληνιστί). Отметим, что имя его в ГФ означает по-арабски «антиохиец» (Antākiya — арабизированная форма Антиохии). Это — скорее всего прозвище⁵³. О происхождении стратига от Киннамадов гово-

⁴⁹ Σ. Ἰωαννίδης. Ἱστορία... σελ. 39.

⁵⁰ N. Polites. Περὶ τοῦ ἐθνικοῦ ἔπους τῶν νεωτέρων Ἑλλήνων. «Διογραφικά Σύμμεικτα», I, 1920, σελ. 253. Об отражении имени героя в кипрской топонимике см. Th. Pierides. Ἀκριτικός κύκλος τῆς Κύπρου. «Probleme der neugriechischen Literatur», Bd. III, Berlin, 1960. S 35 f.

⁵¹ Ср. Г. Дестунис. Ук. соч., стр. 60 сл.; K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur, 2. Aufl. München, 1897, S. 828; S. Impellizzeri. Op. cit., p. 52; J. Mavrogordato. Some notes... p. 467.

⁵² В. Д. Кузьмина в подготовленном к печати капитальном исследовании о «Девгениевом деянии» убедительно показывает народный характер образа Дигениса, сравнивая его с героями эпоса других народов, прежде всего — русского. См. также S. Impellizzeri. Op. cit., p. 58; H. Grégoire. Michel III et Basile le Macédonien dans les inscriptions d'Ancyre. — Byz., vol. V, 1929—1930, p. 339.

⁵³ Под этим прозвищем (Аль-Антаки) известен, например, арабский врач и историк Яхья бен Саид (конец X — первая половина XI в.), проживший вторую половину своей жизни в Антиохии, принадлежавшей в то время Византии. П. Каролидис (Op. cit., σελ. 224) допускает, что «Антакии» — искаженное «Андроник».

рится, помимо упомянутого места, также в *ГФ* I 266; *Т* 55, 834; *А* 490, 1367. Вместе с тем *Т* 54; *А* 20, 489; *Э* 137 говорят о его происхождении из рода Дук (*ἐκ τῶν Δουκῶν*)⁵⁴.

Дед Дигениса живет в своем доме (*οἶκος*) в Каппадонии (*ГФ* I, 56—57). В действии он не участвует. О нем сказано лишь, что во время похищения эмиром Ирины он находился в ссылке (*ἐν ἐξορίᾳ* — *ГФ* I, 63). Согласно *ГФ* I, 270—271, он сослан «за какую-то глупость» пройсками доносчиков (*διὰ τινα μωρίαν ἣν αὐτῷ προεξένησάν τινες τῶν συκοφάντων*). По *ГФ* IV, 55—56, он умер, сосланный по приказу императора Василия (то же в *А*₁ 323); в *Т* 835—836, *А* 1368—1369 он умирает, сосланный за какие-то «приобретения» (?) — *διὰ τινὰς προσλήψεις* — императором Романом. Соответственным образом в *ГФ* IV, 1050 тот же, по всей видимости, Василий возвращает Дигенису все владения (*ἅπαντα κτήματα*) его деда, а в *Т* 1545, *А* 2411 эти *κρητθέντα πρὸ καιροῦ κτήματα* возвращает герою Роман. *Э* 140 дает возможность предположить более точную причину ссылки стратига — здесь говорится: *διὰ μούρτη καὶ διὰ φουσσαῖα*. Слова эти довольно убедительно толкуются Г. Хесселингом⁵⁵ как искаженное *διὰ μούλτων τοῦ φουσσαῖα*, где *μούλτος* (от лат. *tumultus*) означает «восстание», «возмущение». За отсутствием какого-либо более удачного толкования этого места, можно думать, что *Э* приписывает деду Дигениса сепяне смуты в войсках.

У стратига, кроме дочери — пять сыновей⁵⁶ (*ГФ* I, 83 и др.), которые служат стратигами, охраняя границы (*ГФ* I, 63, 273). Из них поэма называет по имени одного Константина; согласно *ГФ* он младший из братьев, близнец Ирины (I 131—132, II 136, 164; ср. II, 152), согласно *Т* 303, *А* 320 — старший. Поэма последовательно выделяет Константина среди всех его братьев. Ему выпадает жребий сражаться с эмиром за сестру, и он одерживает победу (*ГФ* I, 131 сл.); ему снится вещий сон о соколе и голубке (II, 136 сл.), после чего он первый упрекает эмира в измене (II, 164 сл.). Его берет с собой на охоту эмир (IV, 102 сл.) — это первая охота Дигениса, во время которой Константин подбавривает племянника и дает ему советы. У братьев много родственников: согласно *ГФ* I, 268—269 — двенадцать дядьев и двоюродных братьев, служащих стратигами, а согласно *Т* 59, *А* 494, *А*₁ 323, *Э* 139 — двенадцать дядьев и шесть двоюродных братьев.

Историческая идентификация деда Дигениса также весьма затруднительна. Ссылка на происхождение из знатных семейств сама по себе ничего еще не говорит, хотя в данном случае имена эти вполне реальны. Киннамады — знатный византийский род, по-видимому, парфяно-армянского происхождения⁵⁷. К семейству этому принадлежал, в частности, известный историк Иоанн Киннам (вторая половина XII в.). Еще более знаменит в византийской истории род Дук. Родоначальником его, согласно преданию, был двоюродный брат императора Константина Великого (306—337), назначенный им дуксом (*dux*) Константинополя⁵⁸. К Дукам принадлежали выдающиеся полководцы Византии и императорская династия, правившая во второй пол. XI в. Михаил Пселл всячески превозносит этот род. Деятели X в. — Андроник, Константин, Панфирий — являются, по его словам, предками Константина X Дуки⁵⁹. Говоря

⁵⁴ То же соответственно говорится и о дочери его Ирине, матери Дигениса (*ГФ* IV, 43, 59; *Т* 817; *А* 1349) и о самом Дигенисе (*ГФ* IV, 325; *А* 1360, 1740).

⁵⁵ *Le roman de Digenis Acritas d'après le manuscrit de Madrid*. А, t. III, 1912, p. 542.

⁵⁶ В «Девгениевом деянии» (*М-П, П., Тум.*) их трое.

⁵⁷ *P. Kalonagos*. *Op. cit.*, t. I, p. 36.

⁵⁸ *Nicéphorus Bryennius*, ed. Bonnæ, 1836, p. 13.5—13; ср. *Zonaras*, vol. III, ed. Bonnæ, 1897, p. 675. 18—20.

⁵⁹ *Michel Psellus*. *Chronographie*, ed. E. Renauld, t. I. Paris, 1928, p. 146.

о происхождении своей матери, императрицы Ирины, Анна Комнина пишет о знатности ее рода: τὸ γένος περίβλεπτος, εἰς Ἀνδρονικούς ἐκείνους καὶ Κωνσταντίνους τοὺς Δούκας ἀναφέρουσα τὴν τοῦ γένους σειράν⁶⁰.

Эти Андроник и Константин Дуки — полководцы, игравшие в конце IX — начале X вв. значительную роль в византийской истории. Андроник Дука был известен своими победами над арабами (в частности, битвой при Мараше в 904 г.). Попав в немилость к Льву VI вследствие интриг фаворита императора, Самоны, он с семьей бежал в 907 г. к арабам, был заключен в Багдаде в тюрьму и там умер⁶¹. Сын его Константин сумел вернуться в Константинополь — там он погиб, участвуя в восстании 913 г. Аналогия с их тезками и «однофамильцами» — дедом и дядей Дигениса напрашивается сама собой, и уже К. Сафа и Э. Легран⁶² безоговорочно сделали такое отождествление. Действительно, оба Андроника — отцы, оба Константина — сыновья. Оба Андроника были стратигами на восточных границах империи, оба попали в немилость к императору и умерли в изгнании. Наконец, перекликается со словами ГФ I, 271 о какой-то глупости и доносчиках история Андроника Дуки, ставшего жертвой интриг Самоны. В то же время свидетельство Э 140 о «мятеже войска» могло быть вызвано восстанием Андроника, который, оклеветанный Самоной, стремясь укрыться от гнева императора, захватил вместе со своими сторонниками крепость Кабалу, где держался в 906—907 гг. Разумеется, свидетельства поэмы и исторических хроник во многом и расходятся. В «Дигенисе Акрите» ничего не говорится, например, о победах при Мараше, Курусе⁶³. Поэма говорит о Василии или Романе, сославших деда Дигениса, а исторического Андроника ссылает Лев VI. Подобные примеры можно было бы продолжить, но и без того ясно, что нельзя требовать от эпической поэмы точного следования историческим хроникам. Вместе с тем отмеченные параллели дают основание предположить, что история Андроника и Константина⁶⁴ Дук дала материал для византийского эпического творчества. Возможно, отразилась она и в греческой песне «О сыне Андроника»⁶⁵.

В связи с именем Аарон в *T* и *A* можно упомянуть о попытке А. Грегуара сопоставить деда Дигениса с Аароном, третьим сыном последнего правителя Западнoболгарского царства Ивана Владислава (1015—1018). Этот Аарон был свояком Исаака I Комнина, в середине XI в. он сражался с турками и умер в начале XII в.⁶⁶ Предположение это, позволяющее, по мнению Грегуара, установить terminus post quem для редакций *T* и *A*, не находит себе никаких подтверждений, за исключением совпадения имен. Вместе с тем, если принять гипотезу Грегуара, то следует допустить маловероятное предположение, что редактору *A* (а возможно и *T*) была

⁶⁰ А п п а е С о м п е п а е Alexiades libri XV. Vol. I. Bonnae, 1839, p. 144.22—145.2.

⁶¹ См. Vita Euthymii, ed. P. Carlin-Hayter. — Byz., vol. XXV—XXVII, 1955—1957, f. 1, p. 74.4 sq; Theoph. Cont., p. 371—373; Cedr., II, p. 266—268; А. А. Васильев. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии (867—959). СПб., 1902, стр. 157 сл.; см. также: «Две византийские хроники X в.» М., 1959, стр. 109—112. прим. 7 (А. П. Каждана).

⁶² Les exploits. . . , p. XCI sq.

⁶³ А. А. Васильев. Ук. соч., стр. 154—155.

⁶⁴ Ср. характерный портрет Константина в житии Василия Нового (С. Г. Вилински й. Житие св. Василия Нового в русской литературе, ч. II. Одесса, 1913, стр. 150 сл.).

⁶⁵ Отметим, кстати, что этого песенного Андроника М. Бюдингер (M. Büdinger. Ein mittelgriechisches Volkseros. Leipzig, 1866, S. 13—14) считал в свое время возможным отождествить с императором Андроником I Комнином (1183—1185).

⁶⁶ H. Grégoire. Autour de Digénis. . . , p. 300—301.

неизвестна эта болгарская традиция. В противном случае непонятно, зачем стал бы он ссылаться на сирийское происхождение этого имени (А 22—23; в Т I книга утрачена). Таким образом, сопоставление деда Дигениса с болгарским Аароном следует признать куда менее удачным, чем сопоставление его с Андроником Дукой.

Другой след реального лица мы находим в упоминании об отце Андроника и прадеде Дигениса. Это — отсутствующий в ГФ Муселом (Μουσελῶν ὁ ἑξακουστός — Т 56, Э 146; Μουσελῶν ὁ θαυμαστός — А 491). Здесь перед нами очевидное искажение Μουσελέ — прозвища (ἑπωνυμία), употребительного среди членов знатного рода Кринитов (τῶν Κρηνιτῶν) армянского происхождения⁶⁷. Род этот был известен в X в.; с ним, в частности, породнился Иоанн Куркуас⁶⁸. В данном случае приходит на память Алексей Муселе, зять императора Феофила, женившийся на его дочери Марии. Алексей был послан императором с войском в Лангобардию⁶⁹, он сделал блестящую карьеру при дворе, но вследствие интриг попал в немилость и должен был уйти в монастырь⁷⁰. Известен в византийской истории и его дед, тоже Алексей Муселе; стоя во главе войск Каппадокии, он был руководителем каппадокийского восстания при Ирине, затем снова восстал против Константина VI и, потерпев неудачу, был ослеплен по приказу императора⁷¹. Как мы видим, судьбы этих Алексеев во многом схожи с судьбой Андроника-Аарона, а свидетельство Э 140 напоминает о старшем Алексее Муселе. Излишне говорить, что признавая очевидное преломление в эпосе реальных событий, мы не имеем никаких оснований приписывать генеалогии Дигениса Акрита реальную значимость⁷² и видеть например в реальном Андронике Дуке сына Алексея Муселе — зятя Феофила⁷³. О подобном родстве Дук и Кринитов источники ничего не говорят.

Жена стратига Анна, бабка Дигениса, также принадлежит к Дукам. ГФ I 267 говорит о ней: Δούκισσα, γένους τῶν Κωνσταντινίου. Под Константином здесь, возможно, подразумевается римский император Константин Великий (306—337), от родственника которого византийская традиция, как уже говорилось выше, выводила род Дук⁷⁴. То же говорится и в других версиях (Т 839, А 1372). Вместе с тем в Т 57 она происходит ἀπὸ τῶν Κυρμαγάστρων (то же — в А 492); в Э 138 — ἀπὸ τοὺς Κύρ Μαγάστρους. А 29 дает различение Μαγαστρέων, А 493 — Μαγαστρανοί... ἐκείων τῶν πλουσίων, а А₁ 323 — Κύρ Μαγίστρων. Имя это, вероятнее всего, происходит от соответствующего титула (μάγιστρος) — одного из высших в византийской табели о рангах⁷⁵ и нередко встречающегося в византийских источниках в качестве

⁶⁷ Theoph. Cont., p. 107.19—21; Les exploits. . . , p. LXXV. Имя это следует, по-видимому, сопоставить с Moušel — армянским именем, употребительным в семействе Мамикоянов. Cp. N. Adontz. Op. cit., p. 205.

⁶⁸ G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 240.

⁶⁹ Theoph. Cont., p. 108.3 sq; Sym. Mag., p. 630. 11 sq; Georg. Mon., p. 794. 12 sq.

⁷⁰ Theoph. Cont., p. 108. 21 sq.; A. A. Vasiliév. Byzance et les arabes, t. I. Paris, 1935, p. 135—136.

⁷¹ Cedr., II, p. 25. 23—26. 1; cp. Les exploits. . . , p. XLVI sq.

⁷² Cp. Г. Дестунис. Ук. соч., стр. 63—64.

⁷³ Les exploits. . . , p. LXXV; H. Grégoire, R. Goossens. Les recherches récentes sur l'épopée byzantine. — «L'Antiquité classique», t. I, 1932, p. 426.

⁷⁴ Nic. Bruennius. . . , p. 13. 5—13.

⁷⁵ Отметим, кстати, что последнее упоминание об этом титуле относится к началу XII в. — ко времени Алексея I Комнина. См. L. Bréhier. Les institutions de l'empire byzantin. Paris, 1949, p. 138.

семейного прозвища⁷⁶. Оно перешло и в народные песни (*Μάστρος*)⁷⁷. Вряд ли убедительно звучит в этой связи толкование А. Грегуара, пытающегося читать *Κορμαγίστρων* как *κόρη δ' Ἀμαστρέων*, т. е. «отпрыск Амастрийцев»⁷⁸. К сожалению, свое чтение Грегуар не подкрепляет никакими доказательствами. В защиту его толкования можно указать разве лишь на богатства Амастриды — одного из крупнейших центров византийской торговли в южном Причерноморье⁷⁹ — и привести это в связь со свидетельством А 493 о богатстве Магастранов (*ἐκρίνων τῶν πλουσίων*), но серьезным аргументом это считать нельзя. Зато повсеместное сохранение корня *μαγιστρ* в *Т*, *А*, *Э* в ряде византийских имен (например, Симеон Магистр) и, по-видимому, даже в народных песнях делает предположение бельгийского ученого весьма шатким.

Наконец, к семейству Дук принадлежит и жена Дигениса, Евдокия. *ГФ* не дает этого имени, оно приводится в *Т* 1103, *А* 1668, 2045, 4532 (а также в *А*₁ и *О*). Отец ее — стратиг Дука (*ГФ* VI, 14, 414; *Т* 1101, 1278, 2297; *А* 1661, 1666, 1880, 2086, 3386, 4722; *О* 1590), и Евдокия прямо называет Дигениса родственником (*ὑπάρχεις... συγγενής ἡμέτερος ὡς ἀπὸ τῶν Δουκᾶδων* — *ГФ* IV 324—325, ср. *Т* 1179, *А* 1740). Тесть Дигениса не назван по имени. Согласно *Т* 1102, *А* 1667, это — *στρατηγὸς ὁ θαυμαστός μέρουσ τῆς Ρωμανίας*. Он живет в роскошном доме, и богатство его невозможно описать (*ГФ* IV, 265 сл., *Т* 1118 сл., *А* 1682 сл.) — чего стоит одно, поистине царское, приданое (*προῖκα*), которое он дает зятю (*ГФ* IV, 706—722). Стратига окружают многочисленные слуги, в его распоряжении целое войско. Согласно *ГФ* IV, 610 и *А*, 359, у него два сына, другие версии говорят о трех (*Т* 1267; *А* 2075; *О* 1962) и даже о пяти (*Э* 969) сыновьях. Надо думать, что и в этом случае перед нами просто собирательный образ стратига восточной фемы.

Сопоставление имен бабки Дигениса с материнской стороны, его матери и жены — Анна, Ирина, Евдокия — дает возможность сделать некоторые предположения. Имена эти отсутствуют в *ГФ* и *Э*; они известны нам лишь из *Т*, *А*, *А*₁ и *О*. Анна, Ирина, Евдокия — весьма распространенные в Византии имена и часто встречались среди византийских императриц и принцесс. Однако больше всего они (точнее два первых имени) характерны, как неоднократно отмечалось, для династии Комнинов⁸⁰. Действительно, мать Алексея I звали Анной, жену его — Ириной, а дочь — снова Анной. Супруга его сына, императора Иоанна II (1118—1143), также была Ириной, и то же имя было дано Берте Зульцбахской при ее бракосочетании с сыном Иоанна II и Ирины Мануилом I (1143—1180). Наконец, имя Анна получила дочь французского короля Людовика VII Агнесса, жена Алексея II (1180—1183), а затем Андроника I (1183—1185).

⁷⁶ См. P. Kalonagos. Op. cit., I, p. 37; ср. Σ. Κυριακίδης. Παρατηρήσεις εἰς τὰ ἀρχαῖα ἐπη. Δ, X, 1932, σελ. 648—649. Имя это, в частности, было известно на Родосе (Т. Εὐαγγελείδης. Ἐκκλησία Ρόδου. — ΕΕΒΣ, ΣΤ', 1929, σελ. 146). Μαγιστριανός — имя одного греческого врача XIV в. (Α. Κούζης. Δύο θε ἀπειρῆται ὁδηγῆται τοῦ Μαγιστριανοῦ «περὶ θεραπείας λεπρῶν». — ΕΕΒΣ, Η', 1931, σελ. 312—315).

⁷⁷ P. Kalonagos, ibid., p. 14. См. также запись народной песни из Созополя (Δ, I, 1909, σελ. 625).

⁷⁸ H. Grégoire. Le tombeau..., p. 493.

⁷⁹ Ср. В. Г. Васильевский. Введение в житие св. Георгия Амастридского. — «Труды», т. III, Пр., 1915, стр. XXIII—XXIV.

⁸⁰ Σ. Κυριακίδης. Παρατηρήσεις... σελ. 656 ἐξ.; P. Kalonagos. Op. cit., I, p. 16. Не исключено, что с этим связано сходство описания красоты Ирины (А 134 сл.) и Евдокии (Т 1904 сл.; А 2863 сл.; IΦ VI, 29 сл.) с описанием у Анны Комнины ее матери Ирины (I, p. 145. 2 sq.).

Предположение о том, что имена эти — результат комнинской редакции поэмы, легкой в основу *T*, *A*, *A*₁ и *O*⁸¹ вполне возможно, но считать это доказанным все же нельзя. Прежде всего неясно, почему именно женские имена должны были обязательно заимствоваться из императорских генеалогий. С таким же успехом можно было бы искать соответствующие параллели и для мужчин, родственников Дигениса, — Андроника, Константина, даже Иоанна (имя, данное при крещении эмиру, отцу Дигениса — *T* 3071, *A* 4307). Но если и принять эту предпосылку, то имя Анна можно найти в Исаврийской, Аморийской, Македонской династиях, у Ангелов и Палеологов; в первой и последних двух встречаются и Ирины. Что касается Евдокии, тоже, кстати, известной лишь из *T*, *A*, *A*₁, *Э*, то имя это вообще не характерно для Комнинов; если уж искать здесь подобные параллели, то лучше вспомнить супругу основателя Македонской династии (тоже Василия!) или Евдокию — супругу Романа IV Диогена, а затем — Константина X Дуки, о легендарных предках которого писал Пселл. Следует еще раз подчеркнуть, что все подобные сопоставления, основанные лишь на естественном совпадении крайне распространенных имен и не подкрепленные какими-либо другими свидетельствами, весьма ненадежны. Осторожнее будет предположить, что автор или редактор поэмы брал для своих героев имена, бывшие в течение нескольких веков наиболее известными в Византии. Так вошли в состав действующих лиц и их предков Дуки, Киннамады, Андроник, Ирина, Евдокия и другие⁸².

В большей мере отразилась историческая реальность в образах предков Дигениса с отцовской стороны. Отец его повсюду называется в поэме своим арабским титулом — «эмир» (ἄμῆρας от араб. amīr). Сверх того, в *T* 3070; *A* 302, 4306 приводится его имя — Μουσοῦρ. Заметим здесь, что *T* 201 и *A* 656 называют его дядю Μουσοῦρ...ὁ Ταρσίτης (*A* 4313, *A*₁, 327 — Μουσοῦρ ὁ τοῦ Ταρσίτου, *Э* 261 — искаженное Μουρατασίτης — о нем будет сказано ниже). Мусуром зовется в поэме и некий разбойник, наводивший страх на пограничных жителей и убитый Дигенисом (*ГФ* V 215 сл. и др.). В этом случае собственное имя вряд ли что-нибудь может нам дать — скорее всего это просто искажение распространенного арабского имени (Муса или, может быть, Мансур)⁸³. Ребенком он лишился отца, и мать передала его на воспитание сородичам-арабам (*ГФ* I, 286—288). Эмир живет с матерью в крепости Ραχᾶβ (*ГФ* III, 50 и др.; *T* 483, *A* 939, 952, 997 дают Ρουχᾶ; *Э* 527 — Ραχέ; *Э* 531 — Ραχᾶς). Так называется в поэме Эдесса — древний город в Месопотамии, находившийся в руках арабов с 641 и до 1031 г. Еще до своего обращения эмир превосходно владеет языком ромеев (ἀκριβῶς γὰρ ἠπίστατο τὴν τῶν Ῥωμαίων γλῶτταν — *ГФ* I, 115) — последнее связано, возможно, с его происхождением, на котором мы остановимся ниже. Будучи эмиром Сирии, он как мусульманин живет в многоженстве (*ГФ* II, 86—87). Трудно сказать что-либо о набегах его, послужившем завязкой действия (*ГФ* I, 49 сл.). Ираклия, Каппадокия, Харсиана слишком часто подвергались арабским набегам; да и порядок, в котором перечисляются эти названия, явно несообразен. Непонятно, как опустошились окрестности Ираклии, эмир «прийдя через Харсиану, достиг Каппадокии». Ведь, наоборот, путь из Ираклии в Харсиану лежит через Каппадокию. Не вносит ясности и рассказ эмира братьям девушки о своих походах (*ГФ* I, 292 сл.). Эмир говорит, что он захватил

⁸¹ Σ. Κυριακίδης. Ibidem.; N. Adontz. Les fonds... p. 214.

⁸² Ср. J. Mavrogordato. Digenes... p. LXXIX, LXXXII—LXXXIII.

⁸³ Ср. I. Pizzi. Le somiglianze e le relazioni tra la poesia persiana e la nostra del medio evo. Torino, 1892, p. 30 П. Καρολίδης. Op. cit., σελ. 209.

Куфер (I, 292 — Κοῦφε; T 86, A 524 — Κοῦφε; по-видимому, это — Куфа⁸⁴), затем Ираклию и, наконец τὸ Ἀμόριον καταλαβὼν ἄχρι τοῦ Ἰκονίου (295). В этом перечислении также есть несообразность. По тексту следует понимать, что Иконий достигнут эмиром вслед за Аморием, однако он расположен значительно юго-восточнее последнего. A 525 дает вместо Икония непонятный Ἰφερ (ср. T 87 — Ἰφέριν). Возможно, текст здесь испорчен и, как предполагает Дж. Маврогордато⁸⁵, содержал первоначально название Акроина (Ἀκρόινον), расположенного во Фригии к северо-западу от Амория, где греки сталкивались с арабами в VIII в. Свидетельство о подобном походе арабов не характерно для X в. и вызвано скорее воспоминаниями об их набегах в VIII—IX вв. — таков был, например, один из походов халифа Харун ар-Рашида (786—809)⁸⁶. С наибольшей вероятностью отождествляется подвиг эмира, о котором он напоминает своим спутникам (ΓΦ III, 67 сл.; ср. A 956—965, Э 503—512). Это — битва под Меллокопией (Μελλοκοπία; A 956 — Μυλοκοπόδιον; Э 503 — Μυλοκοπία; в T здесь лакуна), когда арабы, со всех сторон окруженные войсками стратигов, отчаялись в спасении. Тут эмир с боевым кличем ворвался в ряды врагов, привел их в замешательство и спасся вместе со своим отрядом, причем им удалось даже забрать с собой пленников. Здесь, по-видимому, имеется в виду Малакопея (совр. Мелегоб) в южной Каппадокии, где в 863 г. произошла решающая битва между византийским полководцем Петроной и эмиром Мелитины. Предводитель арабов эмир Омар потерпел здесь полное поражение и был убит. Удалось спастись лишь его сыну с небольшим отрядом⁸⁷. Приведенный отрывок заставляет вспомнить описание этой битвы в источниках: внезапное окружение арабских войск стратигами (ὅποτε μὰς ἐκόκλωσαν οἱ στρατηγοὶ ἀθρόως καὶ ὡσπερ τεῖχος γύροθεν ἔστησαν τὰ φουσαῖτα... — ΓΦ III, 68—69); отчаяние окруженных (ὁμεῖς δὲ εἰς ἀπόγνωσιν κατήχθητε θανάτου, ἀποκλεισθέντες ἐνδοθεν πάντες ὡσπερ ἐν τάφῳ); спасение одного эмира со спутниками. Согласно источникам, сын эмира бежал после сражения в Харсиану⁸⁸. В то же время стих Э 509: ἐκατέβημεν χαρζάνιστοι [«с быстротой»] ἀνάμεσα τὸν κάμπον, весьма вероятно, следует читать: Χαρζιανὸς ἀνάμεσα...⁸⁹. Интересно, что Э дает также имена двух из пяти⁹⁰ спутников эмира, спасшихся вместе с ним: это — сын Мусί, Апо-Халлис — внук старика Маиакиса и трое других (μὲ τοῦ Μουσί τὸν υἱὸν καὶ μὲ τὸν Ἀπό-Χάλπην τὸν ἑγγονον τοῦ

⁸⁴ H. Grégoire. L'épopée byzantine et ses rapports avec l'épopée turque et l'épopée romane. — BCLSMF, 5 ser., t. XVII, 1931, № 12, p. 492. Ср. его же рецензию на книгу: G. Wartenberg. Digenis Acritas... 1936. — Byz., vol. XII, 1937, p. 699. Ср. также: Π. Καρολίδης. Op. cit., σελ. 226.

⁸⁵ J. Mavrogordato. Op. cit., p. 20. Ср. предположение П. Каролидиса (op. cit., σελ. 226—227).

⁸⁶ Theoph., I, p. 470. 21—23.

⁸⁷ Theoph. Cont., p. 179. 13—183. 10; Genes., p. 94. 1—97. 11; Табарн, (Annales quos scripsit Abu-Djafar-Mohammed-Ibn-Djarir-al-Tabari, cum aliis ed. M. J. de Goeje. Vol. I—XV. Lugduni Batavorum, 1879—1901), III, p. 1509 [как и другие арабские историки цитируется нами по французскому переводу М. Канара в кн.: A. Vasiliév. Byzance et les arabes, t. I. Bruxelles, 1935 (в дальнейшем — Vas I), p. 325]; Ибн Мискавайнх (Fragmenta historicorum arabicorum, t. II. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum. 1871). p. 564 (Vas I, p. 349); Ср. Vas I, p. 251—256.

⁸⁸ Theoph. Cont., p. 183. 7—9; ὡς δὲ τὸν τοῦτου υἱὸν μετὰ τινος φάλαγγος ἀποδρᾶναι που διήκουν, καὶ τοῦτον ὁ τοῦ χαρσιανοῦ κλεισουράρχης καταλαβὼν... Ср. Genes., p. 96. 22—97. 6; Vas I, p. 255, n. 2.

⁸⁹ H. Grégoire. Michel III... p. 338; ср. S. Impellizzeri. Op. cit., p. 70.

⁹⁰ Согласно Генесию (p. 96. 23), с сыном Омара спаслась сотня воинов; согласно Продолжателю Феофана (p. 183. δ) — фаланга.

γέροντος τοῦ Μαιακῆ καὶ ἄλλους τρεῖς στρατιῶτες — 506, 507). Не исключено, что в *ГФ* использован какой-то общий с Генесием и продолжателем Феофана источник⁹¹.

Разумеется, и здесь поэма во многом расходится с историческими источниками. Так, ничего не говорится тут об убитом арабском полководце (хотя можно предположить, что в другом месте, как мы увидим, нашел отклик и этот эпизод). Впрочем, как уже говорилось, подобные расхождения естественны. Не исключено, что в данном случае они отражают явно проарабскую традицию. Так, приведенное место из *Э* 506—507 восходит, по-видимому, к какому-то до сих пор неизвестному нам арабскому источнику. Помимо этого, укажем еще на упоминание о пленниках, которых удалось захватить с собой спасшимся: ἀβλαβεῖς διεσώθημεν μὲ τὴν αἰχμαλωσίαν (*ГФ* III 76, ср. А 964) — об этом также в источниках ничего не говорится. Однако при всех этих расхождениях, указанная параллель, как будет сказано ниже, находит себе подкрепление и в генеалогии эмира.

Свидетельство *Э* о спутнике эмира Ἀπὸ-Χάλπης заставляет вспомнить другую историческую фигуру — эмира Мелитины Абу Хафса (Ἀπόχαψ), внука упоминавшегося уже эмира Мелитины Омара, убитого в 863 г. Во время похода Куркуаса (около 928 г.) Абу Хафс вступил в переговоры с византийцами и перешел на их сторону, признав над собой власть императора и участвуя отныне в военных действиях на стороне греков⁹². История эта, разумеется, в самых общих чертах, напоминает нам судьбу отца Дигениса — тоже арабского эмира, перешедшего на сторону греков. Указанная параллель станет еще убедительнее, если отметить, что поэма называет деда эмира Амброном (Ἀμβρων — *ГФ* I, 285, IV, 37; T 82, 807, 3064; A 520, 1339, 4300), с наибольшей вероятностью сопоставляемым с тем же мелитинским Омаром (см. ниже стр. 144). Итак, отец Дигениса и Абу Хафс — внуки Омара, оба они перешли на сторону греков⁹³. Далее, Абу Хафс — вероятный тезка спутника эмира (Ἀπὸ-Χάλπης), спасшегося вместе с ним в сражении, весьма напоминающем битву 863 г., где был убит Омар и спасся сын (а не внук) Омара. Таким образом, отец Дигениса предстает в некоторых отношениях как бы двойником Абу Хафса. Мы видим, что исторические детали тесно переплелись в поэме с легендой.

Мать эмира Мусура названа в *ГФ* Панфией (Πανθία — I, 284, ср. A₁ 323). Имя это довольно употребительно в византийских романах: так зовется, например, мать Исмины в романе Евстафия Макремволита, жена кушца Стратокла в «Роданфе и Харикле» Феодора Продрома (обе поэмы XII в.). Можно проследить здесь и более старую традицию: Панфией зовется мать Левкиппы в романе Ахилла Татия⁹⁴. Не исключено, что прообразом для всех этих имен послужила примерная супруга Πάνθεια в «Киропедии» Ксенофонта (IV, 6, 11 сл.). T 3067 и A 516, 4303 дают, по всей видимости, искажение этого имени — Σπαθία.

Отец эмира — Хрисоверг (Χρυσοβέργης — *ГФ* I, 284; ср. T 78, A 516 — Χρυσοχέρης; A₁ — Χρυσοτέρης). Он погиб, когда сын его был еще ребенком (*ГФ* I, 286), — об этом пишет эмиру мать, заклиная его не быть отступником и помнить о подвигах отца (*ГФ* II, 60—69; T 187—198;

⁹¹ Ср. F. Dölger, in: BZ, Bd. XXI, 1931, S. 127; H. Grégoire. Autour de Digénis. . . , p. 289 sq.

⁹² Theoph. Cont., p. 415.10—416.12; Georg. Mon., p. 907.6—908.7 Sedg., II, p. 310.18—311.6; Ср. А. А. Васильев. Ук. соч., стр. 233—234.

⁹³ H. Grégoire. Autour de Digénis. . . , p. 288 sq.

⁹⁴ Ср. P. Kalonargos. Op. cit., I, p. 38.

А 642—653). Панфия напоминает эмиру, скольких ромеев убил его отец, скольких взял в плен; он наполнил тюрьмы стратигами и топархами и опустошил многие фемы. Когда же Хрисоверга окружили византийские войска и предложили сдаться, обещая сделать его патриkiem и протостратором (πατρικίος καὶ τιμηθῆναι... καὶ γένη πρωτοστράτορας, ἀνρίψῃ τὸ σπαθὶν τοῦ — 68—69), то он «пренебрег почетом, не польстился на богатство и был изрублен на куски». В соответствующем месте Э (258—260) сцена эта отсутствует; сказано лишь, что отец эмира опустошил Κόνιον (по-видимому, Иконий), Ἄμμον (Аморий? Абидос?), достиг Никомидии и Πέρνετον (Пергам? Терента?)⁹⁵, успешно сражался на море (θάλασσα... ὑπαγαίνει). В этих сильно испорченных стихах можно выделить лишь Иконий и Никомидию; важно и упоминание о море. Остальные названия мало что могут нам дать.

Хрисоверг (Хрисохерп) сопоставляется всеми исследователями с вождем павликиан Хрисохиром. Помимо соответствующей исторической обстановки, за это говорит и сходство имен, далеко уже не таких распространенных, как рассмотренные нами выше. Хрисохир встал во главе павликиан в 863 г. после смерти своего тестя Карвеаса. Деятельность Хрисохира в конце 860—начале 870 гг. вполне соответствует словам Панфии. Предводитель павликиан действительно опустошил многие византийские фемы (ἐχοῦροευσε θέματα πολλὰ τῆς Ῥωμανίας — II, 63); в своих набегах он достигал Никомидии и Эфеса, опустошая Малую Азию до самого западного побережья⁹⁶. Вряд ли преувеличено и свидетельство поэмы (II, 62, 64) о множестве знатных пленников, захваченных им. Известно, что Василий I обратился к Хрисохиру с просьбой о мире и послал в Теффрику Петра Сицилийца для обмена знатных пленных (ἔνεκα τοῦ ὑπαλλάξαι ἄρχοντας αἰχμαλώτους)⁹⁷. Несмотря на состоявшийся обмен пленными⁹⁸, эти переговоры не привели к заключению мира, возможно, из-за непомерных требований Хрисохира, будто бы грозившего силой изгнать императора из Малой Азии, если он не оставит ее по доброй воле⁹⁹. Возобновившиеся военные действия закончились решительной победой византийцев под Теффрикой (872 г.). Бежавший из Теффрики Хрисохир был настигнут войсками императора недалеко от Βαθῆς Ρόαξ¹⁰⁰, к востоку от Севастии, и убит. Отрубленная голова Хрисохира была доставлена Василию I¹⁰¹. Как мы видим, в византийских источниках Хрисохир встречает смерть далеко не столь отважно, как Хрисоверг-Хрисохерп в «Дигенисе Акрите». Было бы, конечно, заманчиво предположить, что поэма сохранила нам какие-то детали павликианской версии событий 872 г., но с уверенностью сказать этого мы не можем: в «Дигенисе Акрите» совершенно отсутствуют какие-либо характерные для павликианства черты. Не исключено также, что героическая гибель окруженного византийскими врагами полководца — отзвук событий не 872, а 863 года,

⁹⁵ Ср. P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 141; П. Καρολίδης. Op. cit., σελ. 227; H. Grégoire. Michel III... p. 331.

⁹⁶ А. А. Васильев. Ук. соч., стр. 25 сл.

⁹⁷ Petri Siculi Historia utilis et refutatio atque eversio haereses Manichaeorum qui et Pauliciani dicuntur. — PG, t. 104, col. 1304 B; ср. Ibid., col. 1241 B. Ср. также Genes., p. 121.22—122.6.

⁹⁸ Petri Sic., col. 1241 B.

⁹⁹ Genes., p. 122, 6—11. Сообщение это, ставившееся под сомнение Ф. Гиршем (F. Hirsch. Byzantinische Studien. Leipzig, 1876, S. 171), А. А. Васильев (ук. соч., стр. 29) считает вполне вероятным.

¹⁰⁰ Любопытно, что среди собравшихся на похороны Дигениса ΓΦ называет «вафирриакитов» (Βαθυρρυακίται — ΓΦ VIII, 206).

¹⁰¹ Theoph. Cont., p. 274.15—276.10; Genes., p. 122.14—126.2.

когда пал дед эмира Амброн-Омар. Такое смешение разновременных событий, как мы уже видели, не чуждо нашему памятнику. Заметим в этой связи, что в поэме вообще не проводится никакого различия между мусульманами и павликианами; последние совершенно растворяются в арабских предках Дигениса, сражавшихся с греками. Как известно, в результате усилившихся преследований византийским правительством павликиан, селившихся, в основном, на восточных границах империи, последние, особенно во второй половине IX в., неоднократно выступали совместно с мусульманами. Так, уже упоминавшийся Карвеас (тесть Христохира) служил первоначально под начальством стратига Анатолика Феодота Мелиссина, однако, после того, как отец его был казнен за принадлежность к павликианам, он бежал с пятью тысячами приверженцев к эмиру Мелитины Омару и получил от халифа земли для поселения¹⁰². Известно, что Карвеас совершал совместно с Омаром набеги на византийцев¹⁰³, что за эту помощь арабы высоко ценили павликиан¹⁰⁴. Не были в тот период редкостью и смешанные браки между ними¹⁰⁵. Указанные обстоятельства в известной мере объясняют, почему павликиане ничем не выделены в поэме среди арабов — своих родичей и союзников. Вместе с тем зачисление павликиан в ряды мусульман не было чуждо и православной традиции. Так, арабский историк Масуди (умер ок. 956—957 гг.) приводит рассказ своего современника, грека, принявшего ислам, о том, что в одной из греческих церквей находятся изображения десяти наиболее знаменитых своей отвагой христиан, а также нескольких полководцев-мусульман, среди которых был изображен и Карвеас¹⁰⁶. Свидетельство это весьма созвучно настроению поэмы: с одной стороны, оно говорит о значительной религиозной терпимости византийцев, с большим уважением относившихся к талантливым арабским военачальникам; с другой, и здесь проявляется тенденция смешивать павликиан с мусульманами. Все это отнюдь не облегчает поисков в «Дигенисе Акрите» специфически павликианских черт, а скорее наоборот — делает такие поиски весьма ненадежными.

Интересно отметить, что Хрисоверг, подобно своей жене, носит греческое имя, а сын их — эмир, так же как и сам Дигенис, является «двоерожденным»: по матери — он внук арабского эмира, по отцу же, — вероятнее всего, грек или армянин. Говоря о том, как он ребенком лишился отца, эмир продолжает: (*ГФ* I, 287—288) *παρὰ μητρός ἐδόθη δὲ εἰς συγγενεῖς Ἀράβους οἵτινες με ἀνέδρεψαν εἰς τὸ εὖ μετὰ πόθου*. Можно предположить, что в первом стихе *συγγενεῖς Ἀράβους* относится по смыслу не к отцу, а к матери эмира. Что касается явно испорченного окончания второго стиха (*Т* 81 дает *εἰς ἀμετρή τοῦ πόθου*; *А* 519 — *μὲ ἀμετρήτους πόθους*), то Э. Легран предлагает здесь удачную конъектуру: *εἰς Μωαμέτ τοῦ πόθου*¹⁰⁷. Возможно, предполагает Дж. Маврогордато¹⁰⁸, эмир хочет сказать здесь, что был бы христианином, не лишись он в раннем детстве отца.

Дядю эмира по матери зовут *Καρόης* (*ГФ* I, 285; IV, 37; *А* 520, 4314. *Т* 82, 807, 3078 дает *Καρώης*). В *ГФ* II, 75 Спафия называет его

¹⁰² Theoph. Cont., p. 165.11—167.10.

¹⁰³ Табари, III, p. 1434 (Vas I, p. 318—319).

¹⁰⁴ Vas I, p. 232, n. 2.

¹⁰⁵ P. Kalonaros. Op. cit., t. I, p. 38.

¹⁰⁶ Масуди (Bibliotheca geographorum arabicorum, pars VIII, ed. de Goeje. Lugduni, 1894), p. 74 (Vas I, p. 232, n. 1).

¹⁰⁷ Les exploits. . ., p. 8. Д. Маврогордато (op. cit., p. 19) читает: *εἰς Μωαμέτ τὴν πίστιν* (in faith of Mohamet).

¹⁰⁸ D. Mavrogordato. Op. cit., p. LXIV.

Μουρσῆς ὁ Καρόης и перечисляет его подвиги (76—79): он пошел походом на Смирну по морскому берегу, опустошил Анкиру, Абидос, Тефрику (? — возможное значение Ἀφρικὴν — 78), Теренту и Эксакомию. Последнее название (Ἐξαχωμίαν — 78) нам неизвестно¹⁰⁹. Вслед за этим он с победой вернулся в Сирию. Однако в соответствующем месте *T* 201 сл., *A* 656 сл., *A*₁ 327 Спафия называет своего брата Μουσοῦρ...ὁ Ταρσίτης. В *T* 3077 и *A* 4313 Μουσοῦρ, υἱὸς ὁ τοῦ Ταρσίτου упоминается рядом с Καρόης (*T* 3078, *A* 4314) как самостоятельное лицо. (В *T* и *A* эмир, как уже говорилось, сам зовется Мусуром). Таким образом, согласно *T* и *A*, у матери эмира два брата, а *ГФ* говорит об одном, ибо Μουρσῆς Καρόης по всей видимости, тождеством упоминаемому в других местах Кароесу. Вместе с тем Μουρσῆς здесь, возможно, представляет собой искажение Μουσοῦρ. Не исключено, что *T* и *A* отражают здесь более старую редакцию поэмы, а в *ГФ* два дяди эмира слились в одного, причем *ГФ* II, 75 сохранило лишь искаженное имя выпавшего из повествования лица. Однако с уверенностью утверждать это нельзя и вполне возможно предположить обратное: в поэме первоначально говорилось об одном дяде эмира, Кароесе, прозвище которого, сохранившееся в *ГФ* II, 75 (Мурсес, Мусур), послужило в более поздних редакциях именем нового лица, принявшего на себя подвиги Кароеса. Следует отметить отдельные расхождения в схожих описаниях подвигов Мурсеса Кароеса в *ГФ* и Мусура Тарсийца в *T* и *A*. Так *T* 203, *A* 658 вместо Ἀβυδὸν дают Ἀκινάν, значение которой сомнительно — здесь, может быть, речь идет об Экинейе в Месопотамии — современном Кемалие (Эгин)¹¹⁰. С другой стороны, чтение *T* 204 и *A* 659 — Ἐπταχωμίαν более понятно, нежели Ἐξαχωμίαν в *ГФ* II, 78, — предполагают, что название это связано с гептакомитами — племенем, населявшим горную местность Скирдисы, южнее Трапезунта¹¹¹. Таким образом, можно сказать (если правильно толкование Ἀκινάν), что *T* и *A* уделяют больше внимания подвигам в Месопотамии, а *ГФ* — на западе Малой Азии. Малоазийское побережье совершенно отсутствует в соответствующих стихах Э 261—263, пожалуй, стоящих ближе к *T* и *A*. Дядя эмира назван здесь Μουρατασίτης — очевидное искажение Μουσοῦρ Ταρσίτης. Здесь, как мы видим, «Муратасит» пересекает реку Эрмон (Hırman-çai в Северной Киликии), опустошает район Антитавра (Ζύρος, в сирийских источниках — Ζόγος)¹¹² и захватывает «Армению» (τὸν Ἐρμόναν ἀνέδραμεν καὶ τὸν Ζυγὸν ἐπίασεν, τὴν δὲ Ἀρμενίαν ἐξήλειψεν), под которой, по-видимому, подразумевается Арменияк¹¹³. Несмотря на то, что географические названия здесь совершенно иные, нежели в других версиях, отрывок этот вполне совместим с соответствующими описаниями *ГФ*, *T*, *A*, там, где они относятся к Месопотамии. Путь Муратасита из Киликии в Арменияк лежал через Теренту, Тефрику и вполне возможно — через «Акину» и «Эптакомию».

Так или иначе, имя Кароес сразу же наводит на сопоставление с вождем павликиан Карвеасом. Источники сообщают об успешных походах Карвеаса. Характерно, что он, как уже говорилось, выступал против визан-

¹⁰⁹ Ср. *ibid.*, p. 29; Π. Καρολίδης. *Op. cit.*, σελ. 227.

¹¹⁰ Ср. Π. Καρολίδης. *Op. cit.*, σελ. 216. Ρ. Kalonaros. *Op. cit.*, t. I, p. 45.

¹¹¹ Ρ. Kalonaros. *Op. cit.*, t. I, p. 46.

¹¹² E. Honigmann. *Op. cit.*, S. 128, n. 4.

¹¹³ Ρ. Kalonaros. *Op. cit.*, t. II, p. 142.

тийцев в союзе с эмиром Мелитины Омаром, под защиту которого в свое время прибег¹¹⁴, а поэма делает его сыном (во всяком случае, братом дочери) Амброна-Омара. Продолжатель Феофана сообщает об успешных походах Карвеаса, взявшего в плен множество византийских военачальников¹¹⁵. Сообщение это напоминает о подвигах, которые поэма приписывает Хрисовергу-Хресохиру. Поэма содержит здесь и свидетельство об опустошении Анкиры (*ГФ* II, 77, *Т* 203, *А* 658), разрушенной в 838 г. халифом Мутасимом и восстановленной при Михаиле III в 859 г.¹¹⁶, как свидетельствует об этом надпись из Анкиры¹¹⁷. Событие это никак не может быть связано с Карвеасом; тем не менее отмеченное свидетельство представляет большой интерес, как единственное в византийской литературе упоминание о взятии арабами Анкиры.

Преемником Карвеаса стал его зять Хресохир. Поэма тоже делает Карвеса родственником Хрисоверга, но не тестем, а шурином. Перед нами снова переплетение реальности и вымысла; здесь опять-таки немало расхождений с историками, но приписывать эти расхождения какой-либо павликианской традиции у нас нет достаточных оснований. Так, в известных нам источниках не говорится о победах Карвеаса на западном побережье Малой Азии; вовсе несообразно приписывать ему опустошение (ἐκούρσευσεν) Тефрики (если правильно толкование слова Ἀφρικίην), ибо крепость эта, им же самим основанная¹¹⁸, до взятия ее в 872 г. византийскими войсками была главным центром павликиан, выступавших в союзе с арабами, и была целью набегов отнюдь не павликиан или арабов, а византийцев¹¹⁹. Указание это трудно объяснить как павликианской, так и византийской традицией. Приведенный пример лишний раз показывает полное невнимание известных нам версий поэмы к павликианству. Дядя эмира, как и отец его, ничем не отличается от других мусульман, сестра его — арабка; *ГФ* дает ему арабское имя Μουρσής, а другие версии говорят о его брате Мусуре Тарсийце¹²⁰.

В образе Мусура Тарсийца (или Мусура, сына Тарсийца), был ли он известен первоначальной редакции памятника или является позднейшим добавлением, несомненно, отразилась та же историческая обстановка. Характерно упоминание в этой связи Тарса, как родины Мусура. Город этот, долгое время лежавший близ арабо-византийской границы, служил арабам надежным укреплением¹²¹. Здесь они укрывались после военных неудач, восстанавливали силы и не раз выступали отсюда в удачные походы. Так, успешные набеги на Тарса совершал в конце 80-х годов IX в. правитель этой области Язаман¹²²; до Амория и Анкиры дошел в 931 г. правитель Тарса Сумл, захвативший огромное число пленных¹²³. Но скорее всего здесь можно вспомнить правителя Тарса Али ибн Яхью ал-Армени. Современник Карвеаса, он в 50—60-х годах IX в. неоднократно

¹¹⁴ Theoph. Cont., p. 166.15 sq; Cp. Genes., p. 121.

¹¹⁵ Theoph. Cont., p. 177.1—5: πολόν, οὐ μόνον τοῦ χυδαίου φθόρον λαοῦ κατεργάσασθαι, ἀλλὰ καὶ τῶν μεγάλων δὴ στρατηγῶν ζωγραφία λαβεῖν... καὶ ἑτέρους ὑποστρατήγους καὶ τουρμάρχας ἄχρι τῶν ἑκατῶν...

¹¹⁶ Об этом упоминают Ибн Хордабех и Масуди (см. Vas I, p. 159, n. 3; p. 334).

¹¹⁷ H. Grégoire. Michel III. . . , p. 327 sq.; 340 sq; Vas I, p. 152—153, n. 2.

¹¹⁸ Theoph. Cont., p. 176.22—177.1.

¹¹⁹ Например, поход Петроны в конце лета 856 г.; ср. Табари, III, p. 1434 (Vas I, p. 233, 318, 319); ср. П. Καρολίδης. Op. cit., σελ. 227.

¹²⁰ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXIV.

¹²¹ Vas I, p. 94 sq.

¹²² А. А. Васильев. Ук. соч., стр. 108—109. О походах из Тарса см. там же стр. 184, 219.

¹²³ Там же, стр. 233.

выступал против греков¹²⁴; в 860 г. он руководил обменом пленными¹²⁵. Не случайно, по-видимому, Али ибн Яхъя был военным союзником Карвеаса — они совершали совместные походы в 856 г. (вместе с эмиром Омаром)¹²⁶ и в 860 г. (одновременно с Балькаджуром)¹²⁷. Разумеется, это не дает еще оснований отождествлять Мусура Тарсийца с ὁ τῆς Τάρσου Ἀλῆς, как называет Али ибн Яхъю Продолжатель Феофана, но отдельные эпизоды его жизни могли дать материал для образов двух — или одного в ГФ — дядьев эмира¹²⁸. Свидетельство Э 263 об Армении, которую захватил и опустошил (ἐξήλειφέν... παντελῶς καὶ πολὺ κακὸν τὴν ἐποίησεν) «Муратасит», связано, быть может, с упоминанием Продолжателя Феофана о том, что Али был послан наместником в одну из областей Армении и был там вскоре убит¹²⁹. То же свидетельство находим мы и у Якуби¹³⁰, относившего это назначение к 863 г. Отметим еще одну деталь — оба союзника погибли в том же 863 г. — и Али, разбитый вместе со своим отрядом на пути из Армении в Майафарикин¹³¹, и Карвеас¹³².

Деда эмира с материнской стороны зовут Амброн (Ἀμβρων — ГФ I, 285, IV 37; Т 82, 807, 3064; А 520, 1339, 4300). Имя его упоминается, как правило, рядом с именами Хрисоверга и Кароеса. Вряд ли следует останавливаться здесь на стихах Т 3061-65 и А 4297—4301, интересных лишь с точки зрения фольклора и лишенных исторической ценности. Здесь говорится о Хосрое (Χοσρόης), овладевшем почти всем востоком и пошедшим на Византию вместе с Амброном. Καὶ μετ' ἐκεῖνον — следует дальше — ὁ Ἀμβρών, ὁ Μέγας ὁ Σουλτάνος, ὁ τοῦ Ἀκρίτου πρόπαππος, ἐκεῖνος ὁ Ταρσίτης (Т 3064—65). Под Хосроем подразумевается, по всей видимости, персидский царь Хосрой II (590—628), потерпевший поражение от византийского императора Ираклия; о его богатстве и роскоши долгое время ходили легенды (ср. ГФ IV, 912 — упоминание о мече Хосроя). Это переносит нас в начало VII в. — дата совершенно несовместимая с тем временем, когда, согласно поэме, жил дед эмира (IX в.).

В поэме отсутствуют какие-либо описания подвигов Амброна. Имя этого лица, его окружение (Кароес-Карвеас, Хрисверг-Хрисохир), наконец, хронологические соображения делают весьма вероятным сопоставление Амброна с эмиром Мелитины, Омаром¹³³. Сопоставление это подтверждается свидетельством продолжателя Феофана, согласно которому эмира Мелитины, искажая его имя, называют Амброном (ὁ τε τῆς Μελιτινῆς Ἀμвр ὄν οὕτω πως οὐμφθεύροντες τὰ στοιχεῖα Ἀμβρον ἐκάλεσαν οἱ πολοί)¹³⁴. Об Омаре повествуют и другие греческие источники. Петр

¹²⁴ Табари, III, p. 1414, 1419, 1420 (Vas I, p. 214, 315, 317); III, p. 1447 (Vas I, p. 237, 319) и др.

¹²⁵ Ср. Vas I, p. 239.

¹²⁶ Theoph. Cont., p. 166.15—19. Али назван здесь Ἀλῆς.

¹²⁷ Табари, III, p. 1449 (A. A. Vasiliev. Byzance et les arabes, t. II, 2 pt. Bruxelles, 1950, p. 246, 320; в дальнейшем — Vas II).

¹²⁸ M. Sarrad. Un personnage de roman arabo-byzantin. — «IIème Congrès national des sciences historiques. Alger, 1932, p. 96.

¹²⁹ Theoph. Cont., p. 166.19—20. О вероятной неточности хрониста, по-видимому, смешавшего здесь двух разных наместников Армении, см. Vas I, p. 233, n. 1.

¹³⁰ Якуби, (Ibn Wādhīh, qui dicitur al-Jā'qubī. Historiae. Ed. Houtsma. Vol. II. Lugduni Batavorum, 1883), p. 606 (Vas I, p. 277).

¹³¹ Якуби. Ibidem.; Табари, III, p. 1509—1510 (Vas I, p. 256; n 6; p. 325).

¹³² Vas I, p. 256, n. 2. О смерти Карвеаса от болезни ср. Photii Contra Manichaeos. — PG, t. 102, col. 84.

¹³³ Ср. Табари, III, p. 1434 (Vas I, p. 231, 319). См. о нем: M. Sarrad. Un personnage de roman. . . , p. 87—100.

¹³⁴ Theoph. Cont., p. 166.16—17; Ср. Vas I, p. 231, n. 1.

Сицилийский и Фотий приводят его прозвище среди греков — *Μονοχέρῃης* (перевод арабского *al-Aqta* — «однорукий») ¹³⁵.

Если для родственников Дигениса можно найти параллели среди исторических лиц, то нельзя сказать того же о некоторых других персонажах поэмы, окружающих нашего героя. Это гораздо в большей степени фольклорные, вымышленные персонажи, нежели реальные лица. Поиски их исторических прототипов, которыми особенно увлекался А. Грегуар, совершенно ненадежны, а зачастую носят просто фантастический характер. Не представляется возможным искать в истории легендарных противников Дигениса — предводителей апелатов: Филопаппа, Киннама, Иоаннакиса, которых поэма связывает родственными узами (*ГФ* VI, 333, 375, 393, 396, 418). В самой поэме содержится ясное указание на то, что лица эти были героями сказаний, по-видимому, предшествовавших эпосу о Дигенисе и впоследствии вытесненных им. *ГФ* IV 33 сл. противопоставляет этих трех героев, которые лишь «хвалились, ничего не сделав», эмиру, чьи дела «все истинны и засвидетельствованы». Не случайно, по-видимому, они удержались и в современных народных песнях; здесь Филопапп выступает чаще всего не как противник Дигениса, а как его сват; Иоаннакис же — как соперник Дигениса, похищающего у него невесту или жену.

Никаких исторических реминисценций в связи с этими героями в поэме нет. Вряд ли убедительна поэтому попытка А. Грегуара связать Филопаппа с Гаем Юлием Антиохом Филопаппом, сыном царя Комagensы Антиоха IV ¹³⁶. Этот Филопапп был между 75/6 и 87/8 гг. н. э. архонтом и устройтеlem игр в Афинах; гробница с его именем, воздвигнутая в 114—116 гг., до сих пор сохранилась на холме Мусейон близ Афин ¹³⁷. Точно так же не имеет смысла останавливаться на сравнении Киннама с приемным сыном парфянского царя Артабана, Киннамом (I в. н. э.), бывшим недолгое время (ок. 40 г.) царем Парфии ¹³⁸. Здесь можно скорее вспомнить упоминаемое в *ГФ*, *Т*, *А* семейство Киннамадов, к которому принадлежал дед Дигениса ¹³⁹. Не лучше различные попытки идентификации Иоаннакиса (в *Т* и *А* — *Ἰωαννάκιος*, *Ἰωαννίκιος*). Грегуар сопоставлял его с префектом претория при Юстиниане Иоанном Каппадокийским ¹⁴⁰. Он отмечал происхождение Иоанна из Каппадокии (надо доказать еще каппадокийское происхождение апелата Иоаннакиса) и его огромное богатство, с которым связывается прозвище Иоанна Каппадокийского *Χρυσοῖωαννάκης*. Однако в *ГФ* VI, 415 имя это носит явно ласкательный характер (ср *Т* 2299, *А* 3388 — *Ἰωαννίκιου τοῦ χρυσοῦ*; *ГФ* IV, 693 — *χρυσόγαμψε*), а о богатстве Иоаннакиса в поэме ничего не говорится. Отождествление это, по-видимому, показалось маловероятным самому Грегуару, и в 1942 году он уже сопоставляет Иоаннакиса с армянином Яхнуком (*Γιαχουόκας*), правившим около 900 г. областью, на территории которой позже образовалась фема Месопотамия ¹⁴¹. Вторая его гипотеза звучит уже не так фантастично как первая, но и она нуждается в

¹³⁵ Petri Sic., col. 1301 A; Photius. Op. cit., col. 77 D.

¹³⁶ H. Grégoire. Digénis. Notes complémentaires. — Byz., vol. VII, 1932, p. 318; idem. 'Ο Διγενής... σελ. 125—130.

¹³⁷ RE, 39. Hbd., S. 75.

¹³⁸ H. Grégoire. Digénis. Notes... p. 319—320; idem. 'Ο Διγενής... σελ. 130—131; см. о нем: Iosephus Flavius. Antiquitatum Judaicarum libri XX, ed. B. Niese., Berolini, 1955, XX, 63.

¹³⁹ Ср. N. Adontz. Les fonds... p. 205.

¹⁴⁰ H. Grégoire. L'âge héroïque de Byzance. — Mélanges N. Jorga. Paris, 1933, p. 384 sq.

¹⁴¹ H. Grégoire. 'Ο Διγενής... σελ. 131.

аргументации, которой автор не дает. Не обосновывает своей точки зрения и Н. Адонц, сравнивающий Иоаннакиса с Иоанном Куркуасом¹⁴². Вряд ли что-либо можно сказать в этой связи и об апелате Леандре (Λεάνδρος — ГФ IV, 549, 620 сл.), выступающем вместе с Филопаппом, Киннамом и Иоаннакисом против Дигениса и так же, как они, терпящем поражение.

Такой же характер носит и образ их родственницы (ГФ VI, 375, 418), девы-воительницы Максимо (Т, А — Μαξιμό; ГФ, Э — Μαξιμό), имеющий аналогии в фольклоре многих народов. Она происходит от амазонок, приведенных Александром Македонским «из стран брахманов», т. е. из Индии (ГФ VI, 386—387). Здесь сказалась популярность в Византийской легенде об Александре Македонском, восходящая к эллинистической эпохе. В Погодинской и Титовской редакциях «Девгениева деяния» Максимиана-Максимо представлена дочерью Филопаппа (II 160 сл., по изд. Сперанского). Схожее имя мы находим на обнаруженном Г. Рэле́м камне близ соврем. Сулусарая (древний Севастополь на территории Харсианы). Надпись эту можно было прочесть еще в 1870 г., ныне она утрачена. Она датируется примерно 200 г. н. э. и принадлежит понтарху Юлию Потиту, поставившему надгробие своей супруге ΜΑΞΙΜΑΝ ΤΗΝ ΚΑΙ ΑΜΑΖΟΝΙΝ ΤΗΝ ΣΕΜΝΟΤΑΤΗΝ ΜΑΤΡΟΝΑΝ ΣΤΟΛΑΤΑΝ¹⁴³. Обращая внимание на эту надпись, А. Грегуар отмечает, что Севастополь Понтийский назывался некогда Гераклеополем; легенда считала его одним из основанных Гераклом городов, где селились будто бы побежденные героем амазонки. Быть может, прозвище упоминаемой в эпитафии Максими объясняется тем, что эта «matrona stolata» возводила свой род к амазонкам. Грегуар предполагает, что какой-то грамотный византиец, может быть, солдат, находившийся в Харсиане, видел эту надпись и таким образом амазонка в византийском эпосе получила имя Максимо (окончание характерно для греческих женских имен того периода — ср. Γεωργίω, Θεωφράω, Κοσμάω)¹⁴⁴. Трудно, однако, сказать, была ли эта надпись источником для творцов «Дигениса»; неизвестно даже, знали ли они о ней, и видеть здесь «явный эпиграфический прототип» Максимо¹⁴⁵, может быть, несколько смело. Так или иначе, она представляет собою интересную иллюстрацию к истории культа амазонок в Малой Азии, культа, отзвуки которого отразились и в византийском эпосе.

В большей мере можно говорить об историчности имени начальника воинов Максимо, Мелемендзиса (ГФ VI, 427 сл. — Μελεμίντζης; Т 2311, А 3400 сл. — Μελεμίντζης; О 2731 — Мелерэ). Это — отважный воин, не знавший поражений, но так же, как и главари апелатов, побежденный Дигенисом. Заманчиво сопоставить его с упоминавшимся уже стратигом фемы Ликанд, армянином Мелиасом (армянское Mleh-metz — «Млех-великий»)¹⁴⁶, основателем и правителем фемы Ликанд и участником походов Куркуаса. Сопоставление это не лишено оснований, хотя считать бесспорным его тоже нельзя. Заметим, что название Ликанд (А 2006 — Λύσαντος; Э 921 — Λύσαντος) встречается в поэме вне всякой связи с Мелемендзисом — речь идет здесь о воинах из Ликанда, созываемых стра-

¹⁴² N. A d o n t z. Op. cit., p. 216.

¹⁴³ Оубл. Г. Рэле́м: Н. R ö h l. Beiträge zur griech. Epigraphik, in: Bericht über das Kgl. Joachimsthal'sche Gymnasium für das Winterhalbjahr, 1875—1876. Цит. по: Н. G r é g o i r e. Miscellanea epica et ethymologica, III. L'amazone Maximo. — Byz., vol. XI, 1936, p. 609.

¹⁴⁴ Н. G r é g o i r e. I b i d e m; i d e m. L'amazone Maximo. — AIPHOS, t. IV, 1936, p. 723—730.

¹⁴⁵ Н. G r é g o i r e. Miscellanea. . . , p. 610.

¹⁴⁶ Ср. Н. G r é g o i r e. Notes épigraphiques, VII. Mélias. . . p. 79—88; N. A d o n t z. Les fonds. . . , p. 216.

тигом Дукой для погони за Дигенисом, похитившим его дочь¹⁴⁷. Возможно и другое, правда, довольно натянутое, толкование этого имени. А. Хадзис¹⁴⁸ сопоставил его с арабским *mulasim* («офицер»). Следует наконец иметь в виду, что имя Мелемендзис и поныне встречается в малоазиатской ономастике. Так до сих пор существует в окрестностях Анти-тавра кочевое племя, называющееся *Μελεμεντζόγλου* («дети Мелемендза») ¹⁴⁹, причем у нас нет оснований утверждать, что имя это обязательно восходит к упомянутому выше Мелиасу.

Трудно сопоставить с кем-либо другого противника Дигениса — Анкилу (*Ἀγκύλας*). Имя это отсутствует в *ГФ* и известно из *Т* 2071—2123, *А* 3068—3120, *А*₁ 379—381 и *О* 2495—2562. Дигенис говорит здесь о том, как он некогда потерпел поражение от Анкилы; тот сбросил его с коня и сделал надпись на дубинке побежденного: пусть Дигенис идет к апелатам и скажет, что Анкила даровал ему жизнь. Через год Дигенис вызвал своего победителя на бой и убил его ударом дубинки по голове. Грегуар хочет видеть упоминание об этом персонаже в стихе народной песни: *Ἐγὼ τ' Ἀκύλα κόρη ἦμου. . .*¹⁵⁰, но даже если и предположить, что имена эти связаны какой-то общей традицией, личность Анкилы от этого отнюдь не становится яснее.

Отсутствует в *ГФ* и упоминание о сарацине Судалисе (*Σουδάλης, ὁ Σαρακηνός* — *А* 2024 сл., *Э* 928 сл.; в *Т* здесь лакуна). Это — один из воинов стратига Дуки, преследующих Дигениса и Евдокию. Одним ударом копья герой убивает его. Как мы уже видели, это один из немногих случаев, когда противником Дигениса выступает сарацин. Вместе с тем Судалис служит в греческом войске; в этом обстоятельстве также можно видеть отзвук событий 920—930 гг. — переход на сторону греков эмира Мелитины Абу Хафса, племени Бени-Хабиб¹⁵¹. Однако прототипом для Судалиса послужил, вероятно, не араб, а грек¹⁵². Сообщая о походе на павликиан в 855 г., продолжатель Феофана называет трех полководцев, стоявших во главе экспедиции: *ὁ τοῦ Ἀργυροῦ καὶ ὁ τοῦ Δουκῆ καὶ ὁ Σουδάλης*¹⁵³. Кедрин, повторяющий рассказ продолжателя Феофана и Скилицы, дает в соответствующем месте имена всех трех: *ὁ τοῦ Ἀργυροῦ δὲ ἦν Λέων καὶ ὁ τοῦ Δούκα Ἀνδρόνικος καὶ ὁ Σουδάλης*¹⁵⁴. Упомянутый здесь Андроник Дука вряд ли тождествен современнику Льва VI — полвека отделяют эти события. Так или иначе сочетание имен в тексте Продолжателя Феофана дает еще одну интересную параллель к тексту поэмы¹⁵⁵. Помимо совпадения имен оба Судалиса служат в греческом войске — один вместе с Дукой, другой — под его начальством.

¹⁴⁷ Упоминание о Ликанде существенно для датировки эпоса, так как оно могло быть сделано, по-видимому, лишь после событий 905—914 гг., когда область эта была укреплена Мелиасом и превращена в фему. Ср. R. G o o s e n s. *Les recherches récentes sur l'épopée byzantine*, II. — «L'Antiquité classique», II, 1933, p. 451 sq.; S. K y r i a k i d e s. *Forschungsbericht zum Akritas-Epos*. München, 1958, S. 22.

¹⁴⁸ А. Χατζής. *Εἰσάθιος Μακρμεβολίτης καὶ Ἀκριτής*. — *BNJ*, IX, 1932—33 σελ. 280.

¹⁴⁹ Π. Καρολίδης. *Op. cit.*, σελ. 243; Ρ. Kalonagos. *Op. cit.*, t. I, p. 189; Ср. J. Mavrogordato. *Op. cit.*, p. LIII.

¹⁵⁰ H. Grégoire. *Notes sur l'épopée byzantine. Une mention du héros Ankylas et du paulicien Karbéas dans un chant akritique*. — *Byz.*, vol. XIII, 1938, p. 251.

¹⁵¹ Ср. А. А. Васильев. *Ук. соч.*, стр. 236—237. Интересно, что одна из народных песен о Порфирисе также говорит о сарацине, служащем греческому царю и выступающем против героя (ср. Г. Дестунис. *Разыскания. . .*, стр. 82, 86).

¹⁵² Ср. H. Grégoire. *Ἡ Διγενής. . .*, σελ. 116, 140, 141.

¹⁵³ Theoph. Cont., p. 165.17.

¹⁵⁴ Cedr., II, p. 154.1—2.

¹⁵⁵ Ср. Vas II, p. 229, n. 1.

Не совсем понятно в этой связи, почему понадобилось называть сарацином воина, вероятный прототип которого возглавил христианское войско против «еретиков». Не исключено, что здесь более поздняя вставка редактора, видевшего, что все почти противники Дигениса — христиане, и пожелавшего дать герою лишнего соперника-сарацина. Видимо, если и действительно прототипом «сарацина Судалиса» служил полководец IX в., то связь эта редактором поэмы уже не ощущалась. Вряд ли правильно поэтому предполагать, как это делает Маврогордато, что источником *Т* и *Э* был здесь Скилица, или Кедрин, упоминающие в соответствующем месте об *Андронике Дуке*¹⁵⁶. Последняя подробность вряд ли подтверждает это совпадение, ибо Судалис предстает в поэме соратником отнюдь не Андроника Дуки, деда Дигениса. Вместе с тем, причислив Судалиса к сарацинам, поэма обнаруживает полное игнорирование антипавликианской деятельности его прототипа. Поэтому, если даже видеть в убийстве Дигенисом Судалиса черту павликианской направленности¹⁵⁷, то во всяком случае, направленность эта, видимо, уже не ощущалась редакторами *А* и *Э*. При этом нам совершенно неизвестно, какой вид имел первоначально этот эпизод; мы не знаем даже, входил ли он в старейшую редакцию поэмы (отсутствие его в *ГФ* усложняет этот вопрос).

Еще одна группа персонажей поэмы связана с историей дочери Аплорравда (*ГФ* V; *Т*, *А*, *О* VI). Имя девушки приводит лишь *О*, представляющая здесь явно более позднюю редакцию и дающая другие сравнительно с остальными версиями имена ее родителей (Евдоксий и Фатума; сама она — Алссé). В *ГФ*, *Т*, *А* мать девушки носит имя Меланфия (*ГФ* V, 68, *Т* 1665, *А* 2553 — *Μελανθία*), вспомним здесь греческое имя другой мусульманки — бабки Дигениса по отцу — Панфии. Имя Меланфия было, по-видимому, характерно для византийских поэм. Так же зовут и сестру Родамны в «Либистре и Родамне» (3788 сл.)¹⁵⁸. Отец ее — Аплорравд — (*Ἀπλορράβδης* — *ГФ* V 67; *Т* 1664; *А* 2552), эмир Меферке — тождественного Майфарикину¹⁵⁹ (Мартирополису) города, расположенного на армяно-месопотамской границе и служившего в X в. ареной частых столкновений между греками и арабами. *Т* 1580—1582, *А* 2468—2470 называют его «великим эмиром», опустошавшим с большим войском земли Романии. Согласно поэме, Аплорравд ἐν τοῖς πολέμοις ἀεὶ εἶωθεν ἀσχολεῖσθαι (*ГФ* V, 76) и держал у себя в плену знатных христиан (70 сл.). Попытки отождествления этого лица крайне гипотетичны. Маврогордато сопоставляет его с эмиром Майфарикина Ἀποτάγλε (Abū Taghlib)¹⁶⁰, выступившим в 70-х годах X в. союзником Варды Склира, но слишком уж расходятся их имена. П. Каролидис считает Ἀπλορράβδης производным от Ἀβδοουραχίμ — если даже это и так, то остается неизвестным, с кем следует его сопоставлять¹⁶¹.

Затруднения вызывает в этой связи и идентификация стратига Антиоха, отца юноши, попавшего в плен к Аплорравду и бежавшего вместе с дочерью последнего. Поэма называет его «славным стратигом» (*ГФ* V, 71 и др.), убитым в неволе ὑπὸ Περσῶν (*ГФ* V, 260, *Т* 1830, *А* 2779). Здесь, быть может, отразился обычай византийцев называть своих соседей-совре-

¹⁵⁶ J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXXIII.

¹⁵⁷ Cp. ibid., p. XXXIX.

¹⁵⁸ В «Левкиппе и Клитопонте» (VI, 1. 2) встречается служанка *Μελανθώ*. Cp. P. Kalonaros. Op. cit., t. I, p. 142.

¹⁵⁹ Π. Καρολίδης. Op. cit., σελ. 242.

¹⁶⁰ J. Mavrogordato. Op. cit., p. 146. Cp. E. Honigmann. Op. cit., S. 150.

¹⁶¹ Π. Καρολίδης. Op. cit., σελ. 242; cp. P. Kalonaros, t. I, p. 142.

менников старыми именами — так появились в поэме «эфиопы» (мусульмане Египта и Северной Африки) и «скифы» (куманы). Пахимер (1242—ок. 1310) называет «персами» турок¹⁶², и на этом основании С. Кириакидис склонен безоговорочно приписывать то же значение «персам» в «Дигенисе Акрите»¹⁶³, но это вызывает сомнения. Прежде всего укажем на самостоятельное употребление в поэме слова *Τούρκοι* (*ГФ* I, 45, А 308, Э 728). Обращает на себя внимание и контекст отдельных мест, где упоминаются «персы». Действительно, эпизод с дочерью Аплорравда разворачивается, по всей видимости, среди арабов (ср., например, *ГФ* V, 161, 178 сл.; *Т* 1779; А 2657, 2681 сл.), а эпизод с Антиохом по смыслу должен был иметь место еще раньше. Еще показательнее здесь *ГФ* IV, 975, где император Василий (в данном случае, неважно — первый или второй) совершает поход на персов. Все это говорит о том, что под персами, по крайней мере в отдельных случаях, могли подразумеваться и арабы¹⁶⁴. Таким образом стратиг Антиох представлен здесь, по-видимому, как пленник арабов. Это, однако, не дает еще оснований для каких-либо сопоставлений; единственное, что можно здесь предположить — это параллель (быть может, преднамеренную) с дедом Дигениса Андроником. И здесь приходит на память судьба исторического Андроника Дуки, также окончившего свои дни в арабском плену. Не случаен, быть может, параллелизм в именах этих лиц в *ГФ* — Антиох и Антакин (араб. «антиохиец»). Наконец, интересно отметить сходство в судьбах их детей. Дочь Антакина попала в плен к сирийскому эмиру, который женился на ней, приняв христианство. К другому эмиру попал в плен сын Антиоха, что также окончилось браком его с мусульманкой, дочерью этого эмира, принявшей христианство ради возлюбленного. Совпадения эти вряд ли случайны и, возможно, представляют собой результат сознательной обработки автором поэмы находившегося в его распоряжении материала.

* * *

Приведенные выше наблюдения говорят о несомненной реальности исторического фона «Дигениса Акрита». Поэма живо отразила обстановку на восточных границах империи в IX—X вв.; не раз упоминаются в ней и действительные события, хотя и преломленные через призму эпического творчества. Несмотря на тесное переплетение истории и вымысла, образы отдельных персонажей поэмы, их имена и подвиги, допускают, как мы видели, сопоставление с рядом лиц и событий византийской и арабской истории и, быть может, лишь состояние источников не дает нам возможности по достоинству оценить некоторые неясные до сих пор реминисценции «Дигениса Акрита».

Отмеченные параллели весьма существенны и для датировки возникновения византийского эпоса. Но задача эта выходит за пределы настоящей статьи.

¹⁶² Georg. Pachum., I, p. 178.17; II, p. 227.7 etc.

¹⁶³ S. Kyriakides. Forschungsbericht..., S. 7. Ср. также: П. Καρολίδης. Ор. cit., σελ. 218.

¹⁶⁴ В упоминавшейся уже надписи из Анкиры, свидетельствующей о восставлении этого города в 859 г. (H. Grégoire. Inscriptions historiques byzantines. Byz., IV, 1927—28, p. 439), говорится о разрушении Анкиры «персами» (χερσὶν Περσικαῖς μιαιφόνοις). Здесь Περσικαῖς употреблено, по-видимому, в собирательном значении и относится ко всем находившимся под Анкирой войскам Мутасима, куда наряду с арабами входили и турки (ср. *ГФ* I, 45) и где среди начальников были перс Афшин и турок Ашнас (Vas I, p. 3, 4, 159). Большая роль, которую играли в жизни аббасидского халифа до середины IX в. персы, а позже — турки, вполне может оправдать такое употребление Πέρσαι в IX—XI вв., т. е. безотносительно к туркам-сельджукам.